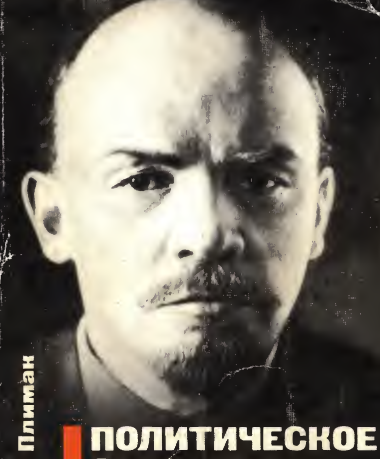
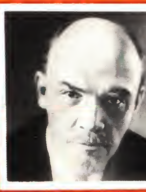

Евгений Плимак

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ В.И.ЛЕНИНА

Истоки, сущность, выполнение

[illegible] перемен
Мне хочет[illegible], кото-
рые я счита[illegible]
[illegible] ЦК до
нескольк[illegible]ается,
что нашему [illegible]большие
опасности [illegible] было бы
[illegible]тывать
не можем [illegible]ормы.
[illegible]
плюм, [illegible]ому,
[illegible]
Что к[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
Мне [illegible]ся, [illegible] ЦК [illegible] вп[illegible]
[illegible]
[illegible] нашей пар-
тии и [illegible]у-
[illegible], по [illegible]о-
[illegible]
[illegible] раз.

[illegible]. Ленин
[illegible].В.

Евгений Плиман

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ В.И.ЛЕНИНА

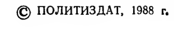
Истоки, сущность, выполнение

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1988

ББК 11.59
П38

П $\frac{0902020000—286}{079(02)—88}$ КБ—14—25—88

ISBN 5—250—00205—6

1. # Великий завет партии и народу

Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи.

В. И. ЛЕНИН.

Судьба последних работ В. И. Ленина

В наследии В. И. Ленина особое место занимают его последние письма и статьи, написанные 23 декабря 1922 года — 2 марта 1923 года[1]. Интересны они не только тем, что они «последние», предсмертные, писавшиеся в совершенно исключительных обстоятельствах. Они интересны и тем, что именно в них Ленин высказал соображения, которые сам он считал «наиболее важными»[2]: о судьбах нашей революции, о партии и ее руководителях, о задачах социалистического строительства в стране, о перспективах мирового революционного движения. Интересны последние письма и статьи Ленина и своей судьбой — вокруг них сразу же разгорелась страстная борьба, не потерявшая значения до нашего времени.

[1] Эти письма и статьи выделены в специальный раздел в Полном собрании сочинений В. И. Ленина. См. т. 45, с. 341—406.

[2] См. там же, с. 343.

Последние работы Ленина можно разделить, правда с большой долей условности, на две части (в сущности же они образуют единое целое). Это — статьи, которые предназначались для печати и были опубликованы еще при жизни Ленина в «Правде». Это и письма по внутрипартийным вопросам. Главное из них — «Письмо съезду» предназначалось съезду партии, и XIII съезд РКП(б), происходивший уже после смерти Ленина в 1924 году, был ознакомлен с ним. Но происходило ознакомление по делегациям. Тогдашнее руководство РКП(б) не дало съезду возможность обсудить существо письма, хотя в нем ставился важнейший для жизни партии вопрос — вопрос о способе перемещения Сталина с поста генсека (запись Ленина от 4 января 1923 г.). Повторно к письмам Ленина вернулся XV съезд ВКП(б), происходивший уже в 1927 году. Съезд принял важное решение: приложить ленинское «Письмо к съезду» (записи от 24—25 декабря 1922 г. и 4 января 1923 г.) к стенограмме съезда, а также опубликовать эти записи и другие письма Ленина по внутрипартийным вопросам в Ленинских сборниках. В соответствии с этим постановлением записи Ленина были напечатаны в бюллетене № 30 XV съезда ВКП(б). Вторая же часть решения XV съезда осталась при жизни Сталина невыполненной: ни в Ленинских сборниках, ни в каких-либо других изданиях письма Ленина по внутрипартийным вопросам опубликованы не были[1]. Тем самым важнейшие документы были скрыты от партии и народа, а разговоры о них впоследствии карались беспощадным образом.

Положение резко изменилось в 1956 году. По решению ЦК КПСС последние письма Ленина были доведены до сведения XX съезда партии, затем опубликованы в

[1] См. об этом комментарий Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ) к последним работам Ленина.— Полн. собр. соч., т. 45, с. 593.

журнале «Коммунист» № 9 за 1956 год, изданы отдельной брошюрой, включены в 36-й том 4-го издания Сочинений В. И. Ленина и 45-й том 5-го издания Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Массовый читатель получил доступ к этим важнейшим документам истории нашей партии. Но утверждать, что с их освещением в нашей историко-партийной литературе все обстояло благополучно, никак нельзя. Об этом убедительно говорилось в выступлениях ряда наших историков.

Критиковалась, в частности, «История КПСС» издания 1985 года. Действительно, изложению последних писем и статей В. И. Ленина посвящено здесь достаточно страниц. Но собственно ленинскому плану уделяются всего одна-две. Остальное забито набившими оскомину общими фразами о вещах, про которые Ленин в «Завещании» (за немногими исключениями) ничего не говорил: об эпохе перехода человечества от капитализма к социализму, начале «мировой революции», о перспективе перехода к социализму, минуя капитализм, об основном противоречии эпохи и т. д. и т. п. Не показана целостность, структура ленинского плана. Еще более не повезло тем характеристикам, которые Ленин давал в последних письмах руководящим членам ЦК. Они оторваны от изложения его плана, перенесены в разделы, рассказывающие о XIII съезде РКП(б). Цитируются они односторонне, убраны все положительные характеристики в адрес будущих оппозиционеров, оставлены только отрицательные. В результате сложная и яростная борьба идей и конкретных лиц, живой драматизм событий подменены или схематизмом, или детективщиной, а напыщенный пафос прикрывает слабость аргументации и уход от острых вопросов.

Правда, за последние годы положение дел существенно изменилось. Наши публицисты, историки, драматурги, рассказывающие о последних днях и неделях работы Ленина, стали бережнее относиться к ленинским докумен-

там, объективно их интерпретировать, появились интересные мемуары. Были, в частности, опубликованы небольшая, но очень емкая статья Е. Яковлева «Прощание» (Московские новости, 1987, 18 января), книга Е. Драбкиной «Зимний перевал» (М., 1987). Чрезвычайно острые вопросы, в том числе и связанные с ленинским «Завещанием», поставил М. Шатров в своей пьесе «Дальше... дальше... дальше!» (Знамя, 1988, № 1), в «Коммунисте» № 2 за 1988 год была воспроизведена статья Н. Бухарина «Политическое завещание Ленина», 26 февраля и 25 марта 1988 года документальный репортаж «Ленинское завещание» (с комментарием В. П. Наумова) опубликовала газета «Правда». И все же работа над ленинскими документами далека от завершения. Историки пока не дали развернутого анализа последних ленинских работ, не раскрыли — в их органической связи — всех сторон ленинского плана строительства социализма в России, а главное, не рассказали о выполнении ленинских заветов. Мы и попытаемся в какой-то мере восполнить пробел. Добавим, что мы не в первый раз обращаемся к «Завещанию» Ленина — фрагменты прошлых наших исследований использованы в данной работе [1].

XX съезд КПСС открыл дорогу к изучению важнейших документов Ленина. Их изучение должно быть продолжено, а главное, углублено после XXVII съезда КПСС, не только принявшего партийную эстафету, но и внесшего качественный перелом во всю нашу жизнь. Именно ленинское «Завещание» выделил в этой связи М. С. Горбачев в своем докладе «Октябрь и перестройка: революция продолжается». «В последних, необычайно насыщенных интеллектуально и эмоционально ленин-

---

[1] См., например: Ленинизм и диалектика общественного развития. М., 1970, с. 256—282; *Плимак Е. Г.* Революционный процесс и революционное сознание. М., 1983, с. 216—218, 222—231.

ских работах,— говорил он,— сложилась система взглядов и сама концепция строительства социализма в нашей стране. Это — огромное теоретнческое богатство партии» [1].

Борьба

Из учебников по научному коммунизму можно узнать: социализм, как новый, высший тип исторического движения, предполагает сознательное и целенаправленное управленне развитием общества. В них не говорится о другом: эту свою важнейшую сущностную функцию рождающийся в России социализм не мог развнть быстро, сразу. В первые трн-четыре года существования Советской власти условия гражданской войны почти совершенно исключали «нормальное», целенаправленное руководство общественными процессами. День за днем, месяц за месяцем, год за годом партия, ее ЦК должны были изыскивать самые неотложные меры спасения молодой Советской республики, терзаемой нашествием «собственных» генералов и интервентов, голодом, разрухой; в ходе смертельной схватки почтн не было ни сил, ни средств, ни возможностей для постановки и проверки первых социалистических экспериментов, для анализа новых общественных отношений и работы учреждений, складывавшихся во многом стихийно, под воздействнем чрезвычайных обстоятельств.

Правда, и в совершенно отчаянных условиях гражданской войны 1918—1920 годов, политического крнзиса 1921 года партия, ее вождь находилн время на теоретическую разработку тех или иных проблем революцин н социализма. Можно выделить обсуждение Программы партии на VII и VIII съездах, обсуждение вопроса об от-

[1] *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987, с. 13.

ношении к середняку на VIII съезде, новой экономической политики — на X съезде и другие моменты. И в это время, на самых крутых изломах революции, теоретическая проработка узловых проблем позволяла партии правильно выбирать направление дальнейшего движения, уяснять и уточнять основы своего отношения к главным классам и силам, участвующим в гигантской борьбе. Именно на VII, VIII, X съездах был выработан, обоснован важнейший принцип соединения в политике и деятельности партии противоположных начал (мирное сосуществование государств с различным общественным строем — на международной арене; крупная национализированная промышленность и мелкокрестьянское индивидуальное хозяйство; плановое начало и товарно-денежные отношения — в экономике страны; демократия и централизм — в хозяйственном и государственном устройстве). «...В нашей революции,— говорил В. И. Ленин в декабре 1920 года,— за три с половиной года мы практически неоднократно соединяли противоположности» [1]. В те же годы гражданской войны началась и разработка плана ГОЭЛРО — плана создания крупной машинной промышленности — этой «единственной материальной основы социализма» [2]. Еще в 1919 году в статье «Великий почин» Ленин с предельной ясностью поставил перед пролетариатом России великую двоякую, или двуединую, задачу: не только «увлечь своим беззаветным героизмом революционной борьбы против капитала всю массу трудящихся и эксплуатируемых», но и повести за собой всю эту массу, а также «все мелкобуржуазные слои» «на путь нового хозяйственного строительства, на путь создания новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым объеди-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 211.
[2] Там же, т. 44, с. 9.

нением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство»[1]. И все же говорить о систематической проработке проблем социализма в ту пору, естественно, не приходится.

Пора для продуманной, целенаправленной, систематической постановки теоретических проблем наступила только к началу 20-х годов, с переходом к более или менее «нормальным», мирным условиям существования Советской власти. «...Мы теперь получили довольно редкий в истории случай устанавливать сроки, необходимые для производства коренных социальных изменений,— писал Ленин в январе 1923 года в статье «Как нам реорганизовать Рабкрин»,— и мы ясно видим теперь, *что* можно сделать в пять лет и для чего нужны гораздо большие сроки...»[2].

И как раз в начале 20-х годов Ленин был вынужден отойти от руководства Советским государством. Уже в 1921—1922 годах болезнь на долгие месяцы отрывала его от работы, в декабре 1922 года она грозит подвести под всей его деятельностью роковую черту.

Дневник секретарей В. И. Ленина Л. А. Фотиевой и М. А. Володичевой, опубликованный в 45-м томе Полного собрания сочинений Ленина, комментарий ИМЛ к этому тому скупыми словами рисуют эпизоды той борьбы, которую Ленин вел со своим тяжким недугом, пытаясь довести до ЦК, до партии, до народа те мысли, которые зрели в его уме.

В ночь с 15 на 16 декабря 1922 года самочувствие Ленина резко ухудшается. В ночь на 23 декабря наступает паралич правой руки и правой ноги. В ту же ночь Ленин просит у врачей разрешения на диктовку стенографистке в течение 5 минут, «так как,— сказал Владимир Ильич,— его волнует один вопрос, и он боится, что не заснет»[3]. 24 декабря, как рассказывала Мария Ильинична Улья-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 17.
[2] Там же, т. 45, с. 385.
[3] Там же, с. 591.

нова, Ленин ставит врачам ультиматум: или ему будет разрешено ежедневно, хотя бы в течение короткого времени, диктовать его «дневник», как Ленин называл свои записи, или он совсем откажется лечиться [1]. Получив разрешение работать ежедневно 5—10 минут, Ленин прежде всего надиктовывает свои записи по персональным вопросам, распорядившись хранить их в абсолютной тайне [2] и передать съезду партии после его смерти. В январе — начале февраля Ленину удается довести время диктовки до 30—40 минут, взяться за написание статей. В «Правде» публикуются: в январе — «Странички из дневника», «Как нам реорганизовать Рабкрин», в марте — «Лучше меньше, да лучше», в мае — «О кооперации», «О нашей революции». Немецкий профессор О. Ферстер, руководивший лечением В. И. Ленина, свидетельствовал: «Работа для него была жизнью, бездеятельность означала смерть» [3].

Некоторое улучшение состояния Ленина в январе — самом начале февраля 1923 года было, однако, недолгим. «Диктует, как всегда, превосходно: без остановки, очень редко затрудняясь в выражениях, вернее, не диктует, а говорит жестикулируя»,— записала 2 февраля М. А. Володичева. Уже через неделю, 10 февраля, Л. А. Фотиева записала: «Вид усталый, говорит с большим затруднением, забывая мысль и путая слова. Компресс на голове» [4].

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 591.

[2] В абсолютной тайне эти записи не сохранялись. Записи, сделанные М. А. Володичевой, тут же передавались по распоряжению заведовавшей Секретариатом Совнаркома Л. А. Фотиевой Сталину, становились известными членам Политбюро и некоторым членам ЦК (об этом рассказывали М. А. Володичева и Л. А. Фотиева Ю. Ф. Карякину в 1964 г.; Л. А. Фотиева позже подтвердила это писателю А. Беку). Эти сведения подтверждает и В. П. Наумов в публикации «Ленинское завещание». См.: Правда, 1988, 26 февраля.

[3] Цит. по кн.: Владимир Ильич Ленин. Биография. 1917—1924. М., 1985, т. 2, с. 236.

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 478, 485.

Но Ленину приходилось трудно не только из-за его недуга. Как видно из документов, Сталин, на которого решением Пленума ЦК от 18 декабря была возложена персональная ответственность за соблюдением режима, установленного врачами для Ленина, отнюдь не способствовал его работе. Он явно ограничивал его информированность о делах в партии и государстве. Вот одна из записей Л. А. Фотиевой от января 1923 года:

«30 января...

Вчера, 29 января, Сталин звонил, что материалы [1] без Политбюро дать не может. Спрашивал, не говорю ли я Владимиру Ильичу чего-нибудь лишнего, откуда он в курсе текущих дел? Например, его статья об РКИ указывает, что ему известны некоторые обстоятельства [2]. Ответила — не говорю и не имею никаких оснований думать, что он в курсе дел. Сегодня Владимир Ильич вызывал, чтоб узнать ответ, и сказал, что будет бороться за то, чтоб материалы дали» [3].

А вот еще одна, теперь уже февральская запись той же Л. А. Фотиевой.

«12 февраля...

Владимиру Ильичу хуже. Сильная головная боль. Вызвал меня на несколько минут. По словам Марии Ильиничны, его расстроили врачи до такой степени, что у него дрожали губы. Ферстер накануне сказал, что ему категорически запрещены газеты, свидания и политическая информация. На вопрос, что он понимает под последним, Ферстер ответил: «Ну, вот, например. Вас интересует вопрос о переписи советских служащих». По-видимому, эта осведомленность врачей расстроила Владимира Ильича. По-видимому, кроме того, у Владимира Ильича

---

[1] Материалы комиссии по так называемому грузинскому делу (об этом ниже).

[2] Сталин уже не был в ту пору наркомом РКИ, но крайне болезненно воспринял критические замечания Ленина.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 477.

создалось впечатление, что не врачи дают указания Центральному Комитету, а Центральный Комитет дал инструкции врачам»[1].

Показательны мартовские записи М. А. Володичевой.

«5 марта...

Владимир Ильич вызывал около 12-ти. Просил записать два письма: одно Троцкому, другое — Сталину; передать первое лично по телефону Троцкому и сообщить ему ответ как можно скорее. Второе пока просил отложить, сказав, что сегодня у него что-то плохо выходит. Чувствовал себя нехорошо.

6 марта...

Спросил об ответе на первое письмо (ответ по телефону застенографирован). Прочитал второе (Сталину) и просил передать лично и из рук в руки получить ответ... Чувствовал себя плохо. Надежда Константиновна просила этого письма Сталину не посылать, что и было сделано в течение 6-го. Но 7-го я сказала, что я должна исполнить распоряжение Владимира Ильича. Она переговорила с Каменевым, и письмо было передано Сталину и Каменеву, а затем и Зиновьеву, когда он вернулся из Питера»[2].

Из записей М. А. Володичевой не ясно, о чем шла переписка. Но теперь мы можем судить об этом по документам, опубликованным в 54-м томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина.

Первому из адресатов В. И. Ленин писал:

«Л. Д. ТРОЦКОМУ.

Строго секретно
Лично

Уважаемый тов. Троцкий!

Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела[3] на ЦК партии. Дело это сейчас находится

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 485.
[2] Там же, с. 486.
[3] Об этом деле ниже.

под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия.

С наилучшим товарищеским приветом *Ленин*»[1].

Письмо И. В. Сталину В. И. Ленин продиктовал после того, как узнал о его неблаговидном поступке по отношению к Н. К. Крупской. Сталин обругал Крупскую за то, что она, якобы вопреки запрещению врачей, 21 декабря 1922 года записала под диктовку Ленина одно деловое письмо — Л. Д. Троцкому по вопросу о монополии внешней торговли; Сталин угрожал Крупской Контрольной Комиссией. В связи с этим Н. К. Крупская еще 23 декабря 1922 года писала Л. Б. Каменеву: «Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина». Н. К. Крупская просила оградить ее «от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз», не втягивать ее в «глупую склоку»[2].

Об этом факте Н. К. Крупская, по всей видимости, рассказала В. И. Ленину в самом начале марта 1923 года. Узнав о происшедшем, Ленин продиктовал следующее:

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 329.
[2] Цит. по: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 674—675.

«ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ.

Строго секретно
Лично

Копия тт. Каменеву и Зиновьеву

Уважаемый т. Сталин!

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением *Ленин*

5-го марта 23 года»[1].

Адресаты поступили следующим образом. Троцкий, ссылаясь на болезнь, ответил, что не может взять на себя защиту грузинского дела. Сталин, как писала позднее М. И. Ульянова, извинился[2].

В таких драматических обстоятельствах за какие-нибудь два с небольшим месяца (конец декабря 1922 г.— начало марта 1923 г.) написан цикл последних писем и статей В. И. Ленина, ставших его завещанием партии и народу.

В истории и ранее бывали случаи, когда мыслители-революционеры именно в последних трудах оставляли великие заветы грядущим поколениям. Мудрой прозорливостью отличались письма «К старому товарищу» А. И. Герцена (1869), знаменовавшие его обращение к Интернационалу, содержавшие массу предупреждений

---

[1] Цит. по: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 329—330.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 607—608.

против «разгулявшейся силы истребления»[1]. Громадная широта обобщений присуща написанному Ф. Энгельсом в год его смерти (1895) «Введению к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» — оно сориентировало социалистические партии Европы на борьбу в совершенно новых условиях сложившихся парламентских форм и одновременно — нарастания милитаризма[2]. Но случай с «Завещанием» Ленина был совершенно исключительным: важнейшие для судеб строительства социализма в России произведения, развернутый план строительства социализма были созданы тяжелобольным человеком, к тому же во многом лишенным нужных ему сведений, контактов с людьми.

Объяснение этого уникального случая — в невероятной силе воли Ленина, его стремлении отдать последний остаток сил делу революции. Но разгадка и в том, что болезнь подкрадывалась постепенно и на первых порах, заставив Ленина отойти от «текучки», позволила ему сосредоточиться на главном, основном. «Нет худа без добра,— заметил Ленин, составляя планы политического отчета ЦК РКП(б) XI съезду,— я засиделся и 1/2 года (1921 и 1922) смотрел со «стороны»»[3].

Этот взгляд «со стороны» и позволил Ленину еще до обострения болезни продумать главные направления работы, а после обострения — развернуть их в целостный план созидания социалистического общества.

Мы назвали ленинский план «развернутым», «целостным». Сделаем, однако, и существенную оговорку. Печать болезни — этого не надо скрывать — лежит на по-

---

[1] См.: *Герцен А. И.* Собр. соч. В 30-ти т. М., 1960, т. 20, кн. 2, с. 581—583, 593 и др.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 529—548. Кстати, просматривая в конце 1922 г. новые книги, Ленин обратил особое внимание на «политическое завещание» Энгельса. «Сохранить на полке. 30.XI—1922 г. Ленин»,— написал он на обложке книги.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 411.

следних ленинских работах. Эти работы, вопреки «своей старой привычке писать, а не диктовать», парализованный Ленин надиктовывал секретарям, он торопился с записью, в одной статье он забегал к сюжетам другой, в другой возвращался к уже проработанным сюжетам, «не клеилась» у него никак последняя статья — «Лучше меньше, да лучше»[1]. И все же в целом записки и статьи поражают ясностью мысли, своей всесторонностью, законченностью. Эти работы — одни из лучших у Ленина. Подтвердить это должен их анализ.

Такой анализ начнем с философско-социологических аспектов ленинского плана. Предупредим читателя — это будет наиболее сложная часть нашего рассказа. Но без нее останется невыявленной как раз исходное звено, логический стержень, целостность последних работ Ленина. Без этой части мы не получим и полного представления о широте его исторического видения, о поразительной нешаблонности его взглядов, о его способности обогащать фундаментальнейшие выводы марксистской методологии.

Исторические судьбы российской революции

В конце декабря 1922 года — январе 1923 года Ленин, получив разрешение читать, знакомится с «Записками о революции» (3-м и 4-м томами) Н. Суханова и набрасывает свой полемический ответ, названный редакцией «Правды» «О нашей революции». Статья подвела итог спору, который разделял почти два десятилетия большевиков и меньшевиков, большевиков и каутскианцев. Спор шел о том, возможна ли социалистиче-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 482—483.

ская революция в странах *«средне*-слабого» (Ленин)[1] развития капитализма (такой и была Россия), странах, еще не вполне завершивших формационную буржуазную перестройку.

Решающий итог спору, исканиям подвела сама жизнь. Социалистическая революция в России к началу 20-х годов стала фактом, с которым должна была бы считаться любая теория. Но разбираемая нами статья Ленина интересна не только как констатация этого факта. Она вскрывает теоретические, гносеологические, как выражаются философы, изъяны той платформы, на которой оппортунисты II Интернационала стояли почти два десятилетия, той платформы, которая в конце концов привела их в стан врагов Октября.

Ленин выявляет, в сущности, крах оппортунистической теории автоматической, абсолютной зависимости классового характера революции от уровня развития производительных сил в стране. Эта позиция вульгарного экономизма заставила меньшевиков еще в годы первой русской революции отвергнуть ленинскую идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, идею ее перерастания в революцию социалистическую, идею «непрерывной революции». Та же позиция вульгарного экономизма заставила меньшевиков в период от февраля до октября 1917 года придерживаться тактики, превращающей мощное пролетарское и крестьянское движение в простой придаток к движению буржуазному, согласиться на передачу власти буржуазии или ее прямому пособнику — Керенскому. Та же позиция заставила меньшевиков встретить Октябрьскую революцию в России паническим заявлением: «И над этой разоренной страной, в которой рабочий класс составляет еще незначительное меньшинство населения, в которой народ еще только что освободился от векового рабства самодержавия, над этой страной в такой критический момент большевики заду-

[1] См.: Ленинский сборник XL, с. 425.

мали проделать свой безумный опыт захвата власти, якобы для социалистической революции»[1].

Оппортунисты исходили из, казалось бы, неопровержимой посылки: «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». «С этим положением,— писал Ленин,— все герои II Интернационала, и в том числе, конечно, Суханов, носятся, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, и им кажется, что оно является решающим для оценки нашей революции»[2].

Сразу же отметим факт, явно недооцениваемый в нашей литературе: общее положение о недостаточной зрелости объективных экономических предпосылок для социализма в России Ленин считает в общем-то «бесспорным». Но все дело в том, что «бесспорные» общетеоретические положения преломляются в конкретной действительности каждый раз по-особому, своеобразно, «неожиданно». Дело в том, что недостаточная зрелость объективных факторов развития может компенсироваться (естественно, в определенных рамках и пределах) зрелостью факторов субъективных, и напротив, одна только зрелость факторов объективных отнюдь не гарантирует ожидаемого результата, если отсутствуют или недостаточно развиты факторы субъективные. Ленин обвиняет оппортунистов в «рабской подражательности прошлому», в совершенном непонимании ими «революционной диалектики» Маркса: видя до сих пор «определенный путь развития капитализма и буржуазной демократии в Западной Европе», они не поняли своеобразия тех условий, в которых совершалась российская революция 1917 года и которые обусловили в ее развитии поправки, изменения

---

[1] Цит. по кн.: *Пионтковский С. А.* Хрестоматия по истории Октябрьской революции. М.— Л., 1926, с. 244.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 380.

(совершенно незначительные с точки зрения общего хода всемирной истории)[1].

Первое — тот факт, что революция была связана со всемирной империалистической войной, внесшей в историю совершенно новые черты и видоизменения; «никогда в мире такой войны, в такой обстановке, еще не бывало»[2].

Второе — промежуточное положение России между странами Запада и Востока, странами цивилизованными и окончательно втягиваемыми в цивилизацию, и, в частности, наличие в России условий для того союза «крестьянской войны» с рабочим движением, «о котором как об одной из возможных перспектив, писал такой «марксист», как Маркс, в 1856 году по отношению к Пруссии...»[3].

Вульгарно-экономическому тезису меньшевиков о прямой зависимости политики от экономики Ленин противопоставил положение о первенстве политики над экономикой, тезис о возможности взятия власти пролетариатом и в относительно отсталых, недоразвитых странах капитала.

Оппортунистические теоретические представления явно недооценивали ускоряющее воздействие на ход истории деятельности самих людей — революционных масс, руководимых передовым политическим авангардом. Плеханов делал на этот счет интереснейшие выводы в своих первых марксистских трудах[4], но отказался от них в дальнейшем. Целенаправленная деятельность револю-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 378—379.
[2] См. там же, с. 379.
[3] Там же, с. 379—380.
[4] «Не только развитие русского капитализма не может быть так же медленно, как было оно, например, в Англии, но и самое существование его не может иметь такой продолжительности, какая выпала на его долю в «западно-европейских странах». Наш капитализм отцветет, не успевши *окончательно* расцвесть, за это ручается нам могучее влияние международных отношений». Полагая, что капиталистическое развитие России «может быть более или менее медленным, роды окажутся более или менее мучительными — в завиcи-

ционных сил ощутимо видоизменяла течение исторического процесса, детерминированного лишь в общем и целом, лишь в главном и основном объективными условиями (условиями к тому же достаточно различными в разные эпохи, в разных странах). Действие субъективного фактора с особой силой сказывалось в эпохи революционных ситуаций, когда в чрезвычайной обстановке того или иного кризиса расшатывался репрессивный аппарат господствующих классов, облегчалось вмешательство в ход исторических событий широчайших масс. Именно последний момент подчеркивается в работе Ленина. Оппортунистам не приходит в голову спросить себя, пишет он, «...а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистскую войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?» [1]

В. И. Ленин ссылается и на прямые указания Маркса о поведении политического авангарда масс в переломные исторические эпохи — от него «в моменты революции требуется максимальная гибкость». Говорит Ленин и о неизбежности возникновения в такие моменты абсолютно не предвиденных теорией новых обстоятельств: «Помнится, Наполеон писал: «On s'engage et puis... on voit». В вольном русском переводе это значит: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный

мости от комбинации всех общественных и международных отношений данной страны», Плеханов делал проницательный вывод: «Более или менее благоприятный для рабочего класса характер такой комбинации, в свою очередь, зависит от поведения людей, понявших смысл предстоящей их стране эволюции» (*Плеханов Г. В.* Соч., т. 2, с. 337—338).

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 380.

бой, а там уже увидали такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или нэп и т. п. И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу»[1].

Осмысливая опыт Октября, вождь пролетарской революции существенно углубляет саму марксистскую трактовку закономерности. Эта трактовка приобретает новые измерения, становится богаче, диалектичнее, сложнее плоских оппортунистических трактовок — последним «совершенно чужда всякая мысль о том, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»[2].

Это «своеобразие либо формы, либо порядка» состояло, по Ленину, в парадоксальной «перестановке элементов» исторического развития: передовые политические формы вырастали не просто из вполне «зрелой» (как «полагалось» по учебнику Каутского) экономики; они вырастали из активной революционной роли передовых классов, а затем уже созданная передовая надстройка создавала адекватную себе, вполне «зрелую» экономику и культуру. «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств),— писал Ленин,— то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»[3].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 378, 381.

[2] Там же, с. 379.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 381. Выявленное Лениным своеобразие Октября стало, по существу, игнорироваться в некоторых новейших работах советских историков. Об этом см.: *Пан-*

Когда черты характера отдельной личности становятся общественно значимой величиной

Итак, стратегический план Ленина начала 20-х годов был ясен: с помощью передовой надстройки подтягивать отсталую Россию к высотам материального производства и культуры. Но гигантская трудность состояла не только в отсталости, разоренности страны. Трудность состояла и в том, что новая политическая надстройка отвечала своим задачам *скорее в потенции, чем в реальности*. Эту мысль в последних работах Ленин подчеркивал неоднократно, настойчиво. Так, обосновывая тезисы «наш аппарат» «из рук вон плох», он нам «насквозь еще чужд», он представляет из себя «пережиток старого», «буржуазную и царскую мешанину», Ленин пояснял: «Он у нас, в сущности, унаследован от старого режима, ибо переделать его в такой короткий срок, особенно при войне, при голоде и т. п., было совершенно невозможно... Достаточно, если мы за пять лет создали новый тип государства, в котором рабочие идут впереди крестьян против буржуазии, и это при условии враждебной международной обстановки представляет из себя дело гигантское. Но сознание этого никоим образом не должно закрывать от нас того, что мы аппарат, в сущности, взяли старый от царя и от буржуазии и что теперь с наступлением мира и обеспечением минимальной потребности от голода вся работа должна быть направлена на улучшение аппарата»[1].

Реформирование аппарата В. И. Ленин предлагает начать с его партийных звеньев.

тин И., Плимак Е., Хорос В. Октябрь: разрешение дилемм революционной мысли в России.— Политическое самообразование, 1987, № 8.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 347, 357, 383, 444.

Судьбы партии, «устойчивость нашей партии», «устойчивость Центрального Комитета», меры против возможности раскола партии в результате «серьезнейших разногласий» — вот что волнует в первую очередь Ленина, вот с чего начинает он свои диктовки, советуя ЦК предпринять — это первые строки его первого же письма — «ряд перемен в нашем политическом строе»[1].

«Наша партия,— напоминает он свои идеи, высказанные еще на X съезде,— опирается на два класса и поэтому возможна ее неустойчивость и неизбежно ее падение, если бы между этими двумя классами не могло состояться соглашения... Но я надеюсь, что это слишком отдаленное будущее и слишком невероятное событие, чтобы о нем говорить».

И тут же — резкий поворот мысли, переход к «ряду соображений чисто личного свойства», прежде всего к характеристике качеств таких членов ЦК, как Сталин и Троцкий: «Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут...

Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС[2], отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 343, 344.

[2] Ленин имеет в виду развязанную Троцким в партии в конце 1920 г. дискуссию о профсоюзах.

наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно»[1].

Как нам отнестись к такому, казалось бы, неправомерному приравниванию явлений совершенно различного порядка, величин не просто разного, но, можно сказать, несоизмеримого масштаба. Ленин — политик, который привык иметь дело с массами, который учил партию исходить из объективного положения и интересов основных классов, который говорил, что в политике ничего не значат даже десятки, сотни тысяч, что политика должна иметь дело с глубинными толщами, с миллионами, вдруг «перескакивает» к двум единицам, к личным качествам, поведению, отношению двух руководящих личностей в партии. Что это? Непоследовательность, отступление от «истматовских» принципов, простое предсмертное желание сказать своим преемникам не только о больших, существенных проблемах, но и о некоторых «мелочах»? Нет, суть дела в ином. Суть дела как раз в существенной роли личности в истории, в необходимости уяснения именно этой стороны дела съездом партии, которому адресовалось письмо.

Нет ничего нелепее представления о том, что марксизм, научная теория классовой борьбы, исследуя условия существования, образ действий различных классов, различных социальных слоев, одним словом, миллионов и сотен тысяч людей, не должен заниматься мотивами, образом действий отдельной личности, разумеется учитывая ее принадлежность к тому или иному классу или слою, ее положение в общественной структуре, в системе механизмов власти. Последнее особенно важно.

Политические мыслители XVIII века недаром писали трактаты о воспитании «молодого принца» — они знали, что рычаги государственной власти есть важнейшая из точек пересечения политики и морали, действий от-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 344—345.

дельной личности и действий огромных масс людей. Марксистская теория отбросила свойственный теориям XVIII века момент преувеличения, абсолютизации роли человеческих качеств и страстей, выявив вместе с тем реальные основы, объективные рамки их действия. Достаточно прочесть «Классовую борьбу во Франции с 1848 по 1850 г.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Лорд Пальмерстон» К. Маркса, работы Ф. Энгельса о Бисмарке (например, «Роль насилия в истории»), статьи В. И. Ленина о политике Столыпина, Керенского, чтобы убедиться в том, что вожди пролетариата пристально изучали качества, личные свойства государственных деятелей эксплуататорских классов, что они придавали этим качествам и свойствам немалую историческую роль.

После прихода пролетариата к власти встала совершенно новая проблема — изучения качеств, личных свойств государственных политиков пролетарских классов. Ведь и в социалистическом обществе оставалось государство, оно приобретало, особенно на первой фазе строительства социализма, в условиях гражданской войны и ломки старых отношений, признаки сверхцентрализованной государственной машины, многократно усиливающей роль государственной личности в истории. В обществе, создаваемом в Советской России, происходило к тому же громадное сужение сферы действия чисто стихийных экономических законов, действия разнородных политических организаций и сил, «подправляющих» действия тех или иных политиков, вносящих в них существеннейшие коррективы.

В. И. Ленин в своих предсмертных работах учитывает, что качества той или иной личности, помноженные на колоссальную мощь централизованного государства и партийного аппарата, дают величину социального масштаба. Руководящую «единицу» этот аппарат наделяет способностью, писал Ленин, «влиять на направление го-

сударственных дел решающим образом»[1]. Соответственно и коллизии среди личностей, стоящих во главе правящей пролетарской партии, которая призвана в условиях социализма руководить всем общественным процессом, опрометчивые, ошибочные, неверные действия руководящего ядра могли в громадной степени задержать (если не повернуть вспять) движение по пути социализма — такова ленинская мысль.

Вдумаемся далее в следующие слова Ленина: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека». Нельзя ли избежать нежелательных последствий этой грубости («это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение») сменой генсека, простым перемещением руководящих лиц?

Могут сказать: именно это и предлагал Ленин. Могут напомнить известные его слова: «...я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.»[2]. Ленин достаточно категоричен в своем предложении, но суть дела не так проста, чтобы ее можно было свести к перемещениям руководящих лиц.

Ленин откровенно предупреждал партию против идеализации отдельных руководителей, своих преемников в частности. Каждый из них обладает теми или иными недостатками, устранению которых отнюдь не способствует обладание властью. У всех у них, подчеркивал он в своих записях, есть изъяны, односторонности, которые могут

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 351.
[2] Там же, с. 346.

пагубно сказаться на судьбах государства, если то или иное лицо встает у его руля. На этом посту — это ясно видно из его записей — он не хотел бы видеть ни Сталина, ни Троцкого, к тому же его беспокоила их явная несовместимость. Но в серьезных политических делах, предупреждали ленинские записи, нельзя было положиться и на Зиновьева и Каменева (их «октябрьский эпизод», считал Ленин, не был случайностью, хотя он так же мало мог быть ставим им в вину лично, как и «небольшевизм» Троцкому). Что же касается некоторых молодых членов ЦК, то «самые выдающиеся» из них силы — Бухарин и Пятаков не доросли до этой роли. Бухарин был «ценнейшим и крупнейшим теоретиком партии», он также законно считался ее «любимцем», но его теоретические воззрения с очень большим сомнением могли быть «отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)». Пятаков же обладал не только выдающейся волей и выдающимися способностями — ему были чересчур свойственны увлечения «администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе»[1].

Где же выход из этого положения? Может быть, его вообще нет? Однако же Ленин ищет выход и предлагает выход. Это и перемещение Сталина с поста генсека, и пополнение молодыми «выдающимися и преданными работниками» (Бухариным и Пятаковым) «своих знаний» и изменение ими «своих односторонностей»[2]. Но главное — в другом. Главный совет Ленина — устранить те недостатки в структуре, в системе аппарата, которые могут дать возможность проявиться тем или иным отрицательным чертам руководителей партии, их личным кон-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 345.
[2] Там же, с. 346.

фликтам. Для тех, кто внимательно читает ленинское «Завещание», совершенно ясно, что именно в эту плоскость смещен акцент последних писем и статей.

Ленин о необходимости улучшения и пересоздания аппарата

«Наш ЦК,— писал Ленин в статье «Как нам реорганизовать Рабкрин»,— сложился в группу строго централизованную и высоко авторитетную, но работа этой группы не поставлена в условия, соответствующие его авторитету»[1]. Какие же меры предлагают письма и статьи Ленина? Во многом они сводятся как будто к «мелочам». Но именно из таких «мелочей» и состоит превращение лозунга социализма в реальную практику, превращение идеала в действительность. Что же касается крупных мер, то их надо еще подготовить кропотливой повседневной работой, суммированием, осмыслением ее результатов.

Посмотрим внимательно на детали ленинских предложений. Прежде всего, для «серьезной работы по улучшению нашего аппарата», для «обучения цекистской работе» новых кадров, «для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии», Ленин предлагает увеличить число членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни.

Важно, за счет кого думает Ленин пополнить состав ЦК. Он обращает внимание партии на тот источник, из которого партия в период гражданской войны неоднократно черпала лучшие силы,— на кадровый пролетариат. Интересно и то, из каких рабочих думает Ленин наби-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 387.

рать пополнение: «...преимущественно не из тех рабочих, которые прошли длинную советскую службу... потому что в этих рабочих уже создались известные традиции и известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться». Ленин не уточняет, что это за нежелательные традиции и предубеждения, но знающим его последние выступления ясно, что здесь речь идет о традициях и предубеждениях бюрократического свойства. Ленин предлагает включить в число членов ЦК «преимущественно рабочих, стоящих ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащих ближе к числу рядовых рабочих и крестьян»[1]. Не перетасовывать только саму верхушку аппарата, а обращаться к глубинной основе диктатуры пролетариата — такова ленинская рекомендация.

Обратимся к следующей «мелочи». Ленин предлагает, чтобы пленумы ЦК собирались раз в два месяца при участии ЦКК. Снова это не простая формальность. Ленин предлагает поддержать, узаконить, закрепить формально наметившуюся тенденцию: превращение пленумов ЦК в высшую систематически работающую партийную инстанцию. Функция расширенных пленумов ЦК, проводимых систематически,— давать продуманные коллегиальные решения всех вопросов, а Политбюро, Оргбюро, Секретариат ведут лишь «текущую работу от имени ЦК»[2].

Чем же должен заниматься прежде всего расширенный ЦК? Вопросами политического и социального устройства, начав с «обновления и улучшения аппарата», того аппарата, который «никуда не годится». «...Хорошее в социальном устройстве,— пишет Ленин,— до последней степени не продумано, не понято, не прочувствовано,

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 343—344; 346—348; «К рабочим в этой части своего письма я отношу всюду и крестьян»,— уточнял Ленин (там же, с. 347).

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 384.

схвачено наспех, не проверено, не испытано, не подтверждено опытом, не закреплено и т. д... Вреднее всего было бы полагаться на то, что мы хоть что-нибудь знаем, или на то, что у нас есть сколько-нибудь значительное количество элементов для построения действительно нового аппарата, действительно заслуживающего названия социалистического, советского и т. п.» [1].

Ленин называет, наконец, и тот главный инструмент, на который должен опираться ЦК в этой работе. Это — расширенная ЦКК, объединяемая с РКИ, обновляемым теперь прежним наркоматом [2], призванным специально и систематически работать над улучшением всего аппарата. Именно в «своеобразном слиянии контрольного партийного учреждения с контрольным советским», в постановке Рабкрина «на исключительную высоту», в придании ему «головки с правами ЦК», он видит залог успеха в работе [3]. Состав НК РКИ, по мысли Ленина, уменьшается до 300—400 человек, но зато Рабкрин комплектуется кадрами высококвалифицированных и материально

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 348, 354, 390.

[2] Наркомат рабоче-крестьянской инспекции, важнейший для обеспечения правильного функционирования всего механизма Советской власти, пресечения всевозможного рода злоупотреблений, резко свернул свою деятельность с введением нэпа. «Принцип «хозрасчета» за короткое время поглотил все кадры привлеченных к работе в РКИ рабочих и крестьян. Предприятия категорически отказались содержать за свой счет «лишние рты»... Введенные в хозяйственных органах и в кооперации в период нэпа большие оклады вызвали среди низкооплачиваемых квалифицированных работников РКИ повальное бегство (оклад инспектора РКИ был вдвое меньше оклада курьера подотчетного учреждения)». Число работников Рабкрина уменьшилось с 30 до 12 тысяч человек, резко ухудшился состав руководящих работников. См.: Ленинская система партийно-государственного контроля и его роль в строительстве социализма. М., 1965, с. 58—59.

[3] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 399, 405. Впоследствии на местах объединялись организационно и местные органы КК и РКИ.

обеспеченных специалистов, связанных в свою очередь с целым рядом институтов по организации управления и труда. Ленин подчеркивает, что ЦКК — РКИ должны быть подконтрольны все органы государства и партии, «без малейшего изъятия», начиная с низших и кончая высшими. Последний момент оговаривается неоднократно и особо: «...члены ЦКК, обязанные присутствовать в известном числе на каждом заседании Политбюро, должны составить сплоченную группу, которая «не взирая на лица», должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК, не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел» [1].

Непосредственный контроль — лишь одна сторона деятельности ЦКК — РКИ. Ленин думает и о перспективах — налаживании солидной теоретической работы. Для служащих Рабкрина обязательно, по его мнению, знание «основ теории по вопросу о нашем госаппарате», «знание основ науки управления», «делопроизводства», для Рабкрина в целом — связь с научными учреждениями, работающими в этой области, при условии их коренного преобразования: «По-моему, из тех учреждений, которые мы уже напекли по части высших институтов труда и прочее, выбрать минимум, проверить вполне серьезную постановку и продолжать работу лишь так, чтобы она действительно стояла на высоте современной науки и давала нам все ее обеспечения» [2].

Разумеется, Ленин различает ближайшую и отдаленную перспективы перестройки, мизерность человеческих

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 387, 399. Слова «ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК» были изъяты из статьи Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин» при ее публикации в газете «Правда» 25 января 1923 г. Впервые они появились в Полном собрании сочинений В. И. Ленина после XX съезда КПСС.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 394.

ресурсов на ее первоначальном этапе, он предлагает возместить их качеством и их концентрацией на решающем, исходном пункте работы: «Я думаю, что при том человеческом материале, который мы имеем, не будет нескромно предположить, что мы уже достаточно научились для того, чтобы систематически и заново построить хоть один наркомат. Правда, этот один наркомат должен определять собой весь наш госаппарат в целом»[1].

К письмам и статьям Ленина о ЦКК — РКИ непосредственно примыкают и его записки «О придании законодательных функций Госплану». В них он выдвинул идею расширения компетенции Госплана, как «совокупности сведущих людей, экспертов, представителей науки и техники», обладающих, в сущности, «наибольшими данными для правильного суждения о делах». Решения Госплана, по его мнению, не могли быть «опрокинуты обычным советским порядком» (то есть простым постановлением высших советских органов), а должны были перерешаться только на основе тщательного обсуждения в соответствующих инстанциях (например, сессия ВЦИК), в специальных комиссиях и докладных записках и т. д. Он также предлагал уменьшить число «временных и срочных отдельных заданий» Госплану — в пользу выработки принципиальных решений по всей «совокупности вопросов, входящих в его ведение»[2].

Поскольку основной состав Госплана представляли еще специалисты, неизбежно зараженные буржуазными предрассудками, каждодневная проверка степени их преданности новому делу и обеспечение их «постепенного перехода на точку зрения социализма» должны были стать компетенцией специального президиума Госплана, состоящего из нескольких коммунистов[3].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 395.
[2] Там же, с. 349, 350, 353.
[3] Там же, с. 352—353.

О единстве персональной и административной сторон аппарата

Задачи осмысления и улучшения партийно-государственной структуры — в центре ленинских документов; вторичным, подчиненным решению этой задачи оказывается вопрос о тех или иных качествах руководителей. Но производность этого вопроса вовсе не отменяет его важности. Вернемся поэтому еще раз к личной стороне дела.

Уже в первые годы Советской власти появилась опасность того, что к партии примажутся элементы случайные, ищущие в ней те или иные личные выгоды; «соблазн вступления в правительственную партию... гигантский», — предупреждал Ленин и в 1922 году[1]. Кроме того, возможность администрирования, обладание властью могли порождать или усиливать отрицательные нравственные качества у некоторых коммунистов; мы должны помнить, что революцию реально делали не одни только идеальные люди.

Партия в первые годы Советской власти принимала систематические меры для очистки от разного рода накипи. ЦК объявлял партийные призывы в дни самых тяжелых испытаний для Советской власти и затруднял прием в партию в обычных условиях; начиная с 1921 года партия практиковала чистки от чужеродных элементов и «примазавшихся». Но это были профилактические меры, так сказать, массового масштаба, определявшие в основном состав низовых организаций.

«Завещание» Ленина ставило вопрос о подборе руководящих кадров, о подборе таких людей (во-первых, передовых рабочих и, во-вторых, «элементов действитель-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 19.

но просвещенных»), за которых, говоря его словами, «можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести»; их он призывал не бояться «признаться ни в какой трудности», не бояться «никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели» [1].

Не меньшее значение, чем высочайшая нравственность, твердость, приобретали и такие черты руководителя, как общая культура, компетентность, образованность.

Ленин выделяет в своих записках два типа руководителей (разных по психологической и культурной характеристикам): «Я думаю, что те нападки, которые слышатся сейчас на председателя Госплана, тов. Кржижановского, и на его заместителя, тов. Пятакова, и которые направляются обоюдно так, что, с одной стороны, мы слышим обвинения в чрезмерной мягкости, в несамостоятельности, в бесхарактерности, а с другой стороны, слышим обвинения в чрезмерной аляповатости, фельдфебельстве, недостаточно солидной научной подготовке и т. п.,— я думаю, что эти нападки выражают две стороны вопроса, преувеличивая их до крайности...» [2]

Итак, с одной стороны, знание, сочетающееся с недостаточным умением администрировать из-за мягкости, интеллигентности, несамостоятельности, с другой — недостаточность научной подготовки, компенсируемая так называемыми волевыми моментами, стремлением администрировать (последний тип явно преобладал в верхушке госаппарата в начале 20-х годов). Ленин говорит, что крайне редко можно будет найти идеального руководителя, который не имел бы того или иного недостатка, поэтому нужно сочетание руководителей, придание научно образованному, интеллигентному и чересчур мягкому че-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 391—392.
[2] Там же, с. 350.

ловеку в помощники администратора, который был бы подчинен первому. Последнее крайне важно: знание без воли не способно преобразовать жизнь, но воля должна быть подчинена знанию: «Руководитель государственного учреждения,— подчеркивает Ленин,— должен обладать в высшей степени способностью привлекать к себе людей и в достаточной степени солидными научными и техническими знаниями для проверки их работы. Это — как основное. Без него работа не может быть правильной. С другой стороны, очень важно, чтобы он умел администрировать и имел достойного помощника или помощников в этом деле. Соединение этих двух качеств в одном лице вряд ли будет встречаться и вряд ли будет необходимо». И еще: «Администрирующая сила тут по сути дела должна быть подсобной» [1].

Последовательная партийность, бескорыстие, честность, человечность, бережность в отношении к людям, знание, умение администрировать — таковы ленинские критерии, по которым партия должна определять подбор руководящих кадров, формировать и свой штаб, тщательно взвешивая все «за» и «против», учитывая все, даже малейшие личные недостатки и достоинства.

Аппарат и люди — две стороны единого целого. Создание такого механизма, который обеспечивал бы постоянный приток и постоянный перевес политически зрелых, нравственно чистых и знающих людей, предупреждал Ленин, задача громадной сложности и в силу объективных трудностей, возникавших на пути революции, и в силу самой природы человеческого «зла», которое нередко в истории побеждало «добро», маскируясь, не гнушаясь средствами для достижения корыстных целей. По всей видимости, именно об этом думал Ленин, обращаясь к членам будущей ЦКК — РКИ с советом не ограничиваться одними лишь теоретическими работами. «Наряду

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 351, 352.

с ними им придется,— писал он,— подготовлять себя к работам, которые я не постеснялся бы назвать подготовкой к ловле, не скажу — мошенников, но вроде того, и придумыванием особых ухищрений для того, чтобы прикрыть свои походы, подходы и т. п.»[1]

Но прежде всего занимало Ленина умение руководителя организовать работу. Он учил отличать необходимую, вынужденную быстроту преобразований от поспешности, подлинную настойчивость от показного или бездумного делячества. «Надо вовремя взяться за ум,— предупреждал он.— Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвастовству и т. д. Надо задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, несолидность и непонятость. Вреднее всего здесь было бы спешить». Не случайно же свою центральную статью, посвященную перестройке работы аппарата, он назвал гениально просто: «Лучше меньше, да лучше». Не случайно же, связывая эту перестройку прежде всего с задачей получить «солидный человеческий материал», он предупреждал, насколько трудно будет ее выполнить, осуществить: «...сопротивление нужно будет оказать гигантское... настойчивость нужно будет проявить дьявольскую...»[2]

Кооперативный план

Перестройка аппарата не была для Ленина самоцелью, она должна была, в свою очередь, служить кардинальной цели — построению материальной экономической базы социализма, преобразованию самих социальных основ жизни народа.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 397.
[2] Там же, с. 390, 392.

Сложность возникавших и здесь проблем была предельно велика. Город благодаря национализированной (хотя и разоренной) промышленности вставал на путь социалистического строительства. Пути же подвода к социализму деревни (то есть основной массы населения страны) не были определены.

Октябрьская революция, ликвидировав помещичье землевладение, образовала море мелких и мельчайших крестьянских хозяйств. Большинство из них (исключая разве что хозяйства патриархальные) в силу своей экономической мелкотоварной природы ежечасно, ежедневно рождали капитализм. Правда, в годы «военного коммунизма» Советское государство попыталось было свести на нет частнособственнические капиталистические тенденции не только в городе, но и в деревне. Обстановка «военного коммунизма» заставила партию искать именно в кооперации средство создания производственно-потребительских коммун в масштабе всего государства, средство того прямого продуктообмена между городом и деревней, который должен был в корне преобразовать экономические отношения в стране; предполагалось, что кооперация и даст «аппарат массового распределения», что в дальнейшем она станет «основой организации снабжения населения на коммунистических началах». Именно в таком плане идея кооперирования всего населения страны и была проработана в Программе РКП(б), принятой на VIII съезде, и в решениях IX съезда [1]. Однако попытка непосредственного перехода к коммунистическим формам производства и распределения оказалась нереальной, утопической, она наткнулась на сопротивление крестьян, вызвала после гражданской войны глубокий кризис 1921 года. Кризис заставил Советскую власть отступить, перейти к новой экономической политике.

---

[1] См.: Восьмой съезд РКП(б). Март. 1919. Протоколы. М., 1959, с. 407; Девятый съезд РКП(б). Март — апрель. 1920. Протоколы. М., 1960, с. 424.

Прежнее военно-политическое соглашение рабочего класса и крестьянства против помещиков и генералов (не исключавшее безэквивалентного изъятия Советской властью продуктов крестьянского труда) было заменено экономическим, существенно модифицировано уже на базе продналога, сменившего продразверстку, на базе допуска известной свободы оборота, свободы торговли продуктами крестьянского труда, оно состоялось при ясном признании пролетарской властью того факта, что «интересы этих двух классов различны, мелкий земледелец не хочет того, чего хочет рабочий»[1]. Ясного плана устранения этих различий, ликвидации социальной разнородности экономического базиса Советского государства у партии в 1921—1922 годах еще не было.

Дополнивший в начале 1923 года новую экономическую политику кооперативный план Ленина, новое понимание роли кооперации и открывали пути решения этой труднейшей в мелкокрестьянской стране задачи: «При условии полного кооперирования,— писал Ленин,— мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве»[2]. Кстати, прорабатывая свои идеи, Ленин использовал обширнейший круг литературы[3].

Фантастичность проектов старых кооператоров, начиная с проектов основателя утопического социализма Оуэна, подчеркивал Ленин, была в том, что они надея-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 58.

[2] Там же, т. 45, с. 376.

[3] В январе 1923 г. ему были посланы по запросу Н. К. Крупской следующие книги: *Мещеряков Н.* Кооперация и социализм. Сборник статей. М., 1920; *Штаудингер Ф.* Марксизм и потребкооперация. М., 1919; *Зассен И.* Развитие теории кооперации в эпоху капитализма. М., 1919; *Штаудингер Ф.* От Шульце-Делича к Крайцнаху. М., 1919; *Чаянов А.* Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. М., 1919; *Туган-Барановский М. И.* Социальные основы кооперации. М., 1916; *Прокопович С. Н.* Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1913.

лись на одну только кооперацию, не видя необходимости ликвидации прежде всего господствовавших при капитале политических порядков, свержения политической власти эксплуататоров.

Но коль скоро последнее достигнуто, коль скоро пролетариат взял всю власть в свои руки, как раз кооперирование может и должно стать основным средством подведения масс населения, прежде всего крестьянского, к социализму. При пролетарской власти только одна кооперация могла обеспечить контроль и учет над мелкобуржуазной стихией. Но главное, в дальнейшем та же кооперация облегчала переход от единоличных к коллективным порядкам, «путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина*»[1].

Здесь Ленин, собственно говоря, выходит к вековому спору, который разделял защитников систем капитализма и социализма, к спору, который не перестает разделять их и в наши дни. Один из основателей буржуазной политэкономии, Рикардо, писал по поводу взглядов Оуэна: «Сам Оуэн — благожелательный энтузиаст, готовый на большие жертвы для своего любимого плана. Но может ли разумный человек поверить ему, что проектируемое им общество будет процветать и производить более, чем производило до сих пор такое же количество людей, если последние будут побуждаемы к напряжению только соображениями об общем благе вместо соображений о собственном интересе? Не говорит ли против этого опыт столетий?»[2]

Опыт столетий был дополнен к началу 20-х годов XX века недолгим, но чрезвычайно емким опытом «военного коммунизма» в России. И здесь оказалось, что на одних только соображениях «об общем благе» строить

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 370.

[2] Цит. по: *Рубин И. И.* История экономической мысли. М.— Л., 1929, с. 224.

новое общество нельзя, и здесь соображения о «собственном интересе» сказали свое веское слово. Они-то и заставили Советскую власть отступить, перейти в 1921 году к новой экономической политике — политике, в полной мере учитывающей и «собственный интерес». Но, рассматривая поначалу нэп только как временное отступление, предполагая, что он сменится новым наступлением, Ленин уже тогда подметил в нэпе и ряд универсальных черт, которые в дальнейшем уже не должны были игнорироваться Советской властью, которые, напротив, должны были быть интегрированы ею по уже испытанному принципу «совмещения противоположностей»: сочетание энтузиазма и личного интереса в строительстве социализма, сочетание централизованного планирования с хозрасчетом в промышленности, сочетание общей и личной заинтересованности в крестьянском хозяйстве.

«В нэпе,— писал Ленин,— мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли; именно из этого вытекает (обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации. В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.— разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при

нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества?» [1]

Намечая перспективы социалистического преобразования деревни, Ленин указывал на ряд необходимых предпосылок его успеха.

Первое — всесторонняя помощь (людьми, кредитами, орудиями производства) возникающему новому общественному строю в деревне со стороны пролетарского государства, со стороны города, поиск многообразных форм связи города и деревни.

Второе — постепенность, отсутствие поспешности в новом гигантском деле внесения коммунистических идей и отношений в деревню. «До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, гибельно для коммунизма» [2].

Третье — осуществление социалистическим государством культурной революции в деревне, цивилизация миллионных масс крестьянского населения. «Мы можем пройти,— писал Ленин, называя теперь и более или менее конкретные сроки преобразований,— на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия. Но все-таки это будет особая историческая эпоха, и без этой исторической эпохи, без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками, и без материальной основы этого, без известной обеспеченности, скажем, от неурожая, от голода и т. д.,— без этого нам своей цели не достигнуть».

Ленин подчеркивает, что основы нового принципа организации населения им обрисованы еще только «в общих чертах», что еще остается «неопределенным, не описанным детально все содержание задачи практически» [3] —

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 370.
[2] Там же, с. 367.
[3] Там же, с. 372, 373.

его еще надо обрести. Но и обоснование принципа было важнейшим делом в таком поиске.

Культурная революция

В статье «О кооперации» появляется центральное для всего ленинского плана определение: «культурная революция» — «полное кооперирование» крестьянства «невозможно без целой культурной революции»[1].

Идея культурной революцни для Ленина — поистине всеобъемлющая идея. Принципиальный путь строительства социализма в стране, отставшей по своему культурному развитию, Ленин обосновал уже в статье «О нашей революции». В статье же «О кооперации» говорится о «целом перевороте», «целой полосе культурного развития всей народной массы», говорится даже о «коренной перемене всей точкн зрения нашей на социализм» и центр тяжести меняется до того, что переносится с политической борьбы, революции, завоевания власти именно на мирную организационную, «культурную» работу, на «культурничество»[2]. В статье «Лучше меньше, да лучше» с культурной работой, просвещением, учебой связывается и вся перестройка госаппарата. «А для этого необходима именно культура», «именно о культуре ставлю я здесь вопрос, потому что в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки»[3]. С вопросов культуры Ленин начннал, собственно говоря, весь цикл своих статей — этим вопросам целиком посвящены его «Странички из дневника».

Прнчина такого внимания Ленина к вопросам культуры — прежде всего в громадной культурной отсталости страны. С этнм фактом Ленин вплотную столкнулся еще

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 376.
[2] Там же, с. 372, 376.
[3] Там же, с. 390—391.

раз, знакомясь с данными переписи 1920 года (Грамотность в России. М., 1922). Эти данные показывали: в 1920 году в России на тысячу человек было грамотных всего 319 (среди мужчин — 409, среди женщин — 244), окраины России отставали от центра (330 — в Европейской России, 281 — на Северном Кавказе, 218 — в Западной Сибири)[1]. Строить социализм было просто немыслимо, не ликвидируя культурную отсталость страны. Ленин чрезвычайно резко ставит вопрос.

«В то время, как мы болтали о пролетарской культуре и о соотношении ее с буржуазной культурой, факты преподносят нам цифры, показывающие, что даже и с буржуазной культурой дела обстоят у нас очень слабо... Это служит грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витал и витает в эмпиреях «пролетарской культуры». Это показывает, сколько еще настоятельной черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы»[2].

Царская Россия оставила России советской тяжелейшее наследие. Темный крестьянин, полуграмотный рабочий, тупой, безынициативный чиновник, по-азиатски торгующий купец, оторванный от жизни интеллигент — вот основные социальные типы, с которыми пришлось иметь дело Советской власти. Наличие этих основных социальных типов, естественно, не отменяет факта наличия в России 1917 года активнейшего социального авангарда, состоящего из кадрового пролетариата, передовой интеллигенции, «просвещенных» войной солдат. Старые социальные типы были встряхнуты великой революцией, втянуты в новое историческое движение авангардом нации. Но они совсем не отошли в прошлое — это был тот «человеческий материал», из которого приходилось строить

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 363.

[2] Там же, с. 363—364.

новое общество, обучаться по-новому управлять, по-новому мыслить, по-новому работать, по-новому участвовать в кооперативном деле, по-новому торговать.

Непосредственную громадную опасность такого положения дел и вместе с тем длительность и постепенность его исправления Ленин осознавал в полной мере: «...нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т. е. культур чиновничьей, или крепостнической и т. п. В вопросах культуры торопливость и размашистость вреднее всего. Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы намотать себе хорошенечко на ус». И еще: «Тут ничего нельзя поделать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще»[1].

Избавление от «той полуазиатской бескультурности, из которой мы не выбрались до сих пор», поднятие страны хотя бы до уровня «буржуазной культуры», до уровня «обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы» — такова была первоначальная задача культурной революции в России[2].

И все же это была только часть задачи, часть предстоящей работы. Подчеркивая: для нас достаточно теперь культурной революции, чтобы оказаться социалистической страной, Ленин смотрел гораздо дальше, его статьи не оставляют в этом никакого сомнения. Говоря, к примеру, что для обновления нашего госаппарата нам надо: «...во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превраща-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 389, 391.
[2] См. там же, с. 363, 364.

лась в составной элемент быта вполне и настоящим образом», Ленин делает важнейшее для понимания его идей культурной революции добавление: «Одним словом, нам надо предъявлять *не те требования, что предъявляет буржуазная Западная Европа*, а те, которые достойно и прилично предъявлять стране, ставящей своей задачей *развиться в социалистическую страну*»[1].

Здесь мы выходим к важнейшим принципам ленинской идеи культурной революции.

Социализм — с этого мы начинали свою книгу — предполагает сознательное и целенаправленное управление развитием общества. Но социализм — десятки раз подчеркивал Ленин — это отнюдь не дело только одной «всезнающей» партийно-государственной верхушки, не дело одних только коммунистов, это прежде всего дело самих миллионных масс. Соответственно и целенаправленное управление сверху немыслимо без самоуправления снизу, оно впитывает его опыт, вырастает из него, базируется на нем. Соответственно принцип демократического централизма лежит в основе организации всей общественной жизни при социализме.

Разумеется, демократический централизм — *категория историческая*. На первых порах социалистического строительства, когда идет ломка старых отношений, когда массы еще не прониклись вполне новыми идеями, чтобы сознательно участвовать в строительстве новых форм жизни, явно преобладает, доминирует централизм; на завершающих этапах социалистического строительства это доминирование должно прекратиться, будет в полную меру осуществляться и демократизм — без этого просто немыслим переход к коммунизму с его основополагающим принципом — «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»[2].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 391 (курсив наш.— *Е. П.*).
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 447.

Обеспечить возможность перехода к самостоятельному, активному творческому участию широчайших масс в созидательном социалистическом процессе и ставила целью культурная революция. Так, по мысли Ленина, ЦК совместно с ЦКК — РКИ должен был решить двоякого рода задачу: «...в отношении планомерности, целесообразности, систематичности *его* организации и работы и в отношении *связи с действительно широкими массами* через посредство лучших из наших рабочих и крестьян»[1]. Так, кооперация должна была создать строй «цивилизованных» кооператоров, заставив, как писал Ленин, «всех поголовно участвовать и участвовать *не пассивно, а активно* в кооперативных операциях»[2].

Думаем, что и само понятие «культурная революция» не случайно появилось именно в ленинской работе «О кооперации». Дело здесь в том, что действительно активное участие масс в строительстве социализма обеспечивается отнюдь не простыми пожеланиями, не призывами, не лозунгами, не формальными постановлениями. Оно обеспечивается прежде всего созданием таких всеобъемлющих экономических (и соответственно социально-политических) структур, которые создают реальные условия для втягивания масс в сознательное, деятельное строительство социализма, и параллельно — культурным подъемом масс. Ленин органически связывал в статье «О кооперации» обе стороны дела. «А эта культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель,— писал он,— преследует именно кооперирование»[3].

Интересно, что в статье «О кооперации», выдвинувшей идею культурной революции, Ленин повторяет и основную идею своей статьи «О нашей революции»: «Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринима-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 384 (курсив наш.— *Е. П.*).
[2] Там же, с. 372 (курсив наш.— *Е. П.*).
[3] Там же, с. 376.

ем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим». При этом Ленин предупреждает о том, какие гигантские сложности рождает произведенная нашей революцией «перестановка элементов» (сначала взятие власти, затем — с ее помощью — культурный переворот). «...Для нас,— пишет он,— эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)»[1].

И последнее существенное обстоятельство: развивая свою идею культурной революции, Ленин думает не только об отдаленных перспективах. Он думает и об исходном пункте всей работы, называет (в «Странички из дневника») самые неотложные практические меры. Это передвижка всего нашего государственного бюджета «в сторону удовлетворения в первую голову потребностей первоначального народного образования». Это сокращение или закрытие всяких «либо игрушек наполовину барского типа, либо учреждений, без которых нам еще можно и долго будет можно и должно обойтись». Это всемерная забота о народном учителе — всесторонняя подготовка учителя к его высокому званию, быстрейшее поднятие его материального положения, поднятие учителя «на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе». Учитель и должен был стать, по мысли Ленина, опорой советского

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 376—377.

строя, именно через него Советская власть получала возможность отвлечь крестьян «от союза с буржуазией, и привлечь их к союзу с пролетариатом»[1].

Вопросы национального строительства

Трудности социалистического переустройства России были связаны не только с несовершенством аппарата, крайним разорением, экономической отсталостью и бескультурьем страны. Они были связаны и с многонациональным составом населения государства, с чрезвычайной даже для условий России отсталостью национальных окраин, с неизжитостью прежних неравноправных отношений. Это заставляло Ленина относиться с великим вниманием к вопросам национального строительства — именно в этих вопросах социализм мог и должен был как можно быстрее доказать свое превосходство над капитализмом.

Еще до обострения болезни Ленина проявила себя в общем-то опасная для дальнейших судеб Советского государства тенденция к сужению прав входящих в него наций. Одним из носителей этой тенденции был И. В. Сталин, который провел в комиссии ЦК РКП(б), занимавшейся подготовкой объединения советских республик, свои тезисы об «автономизации». Согласно Сталину, Украинская, Белорусская, Армянская, Азербайджанская, Грузинская республики должны были войти в состав РСФСР на правах автономных республик. В. И. Ленин уже в сентябре 1922 года оспорил сталинский проект (в своей записке от 30 декабря 1922 г. он напомнил, что, «видимо, вся эта затея «автономизации» в корне была неверна и несвоевременна»[2]). Проект умалял права наций,

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 364—366.
[2] Там же, с. 356.

он играл на руку великодержавным, шовинистическим элементам в госаппарате РСФСР. Возражения Ленина были учтены комиссией ЦК, а 6 октября 1922 года Пленум ЦК РКП(б) принял следующее постановление об объединении независимых советских республик: «Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, федерацией Закавказских республик и РСФСР об объединении их в Союз Советских Социалистических Республик с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава Союза»[1]. Именно этими принципами руководствовались I съезд Советов СССР, состоявшийся 30 декабря 1922 года, и II съезд Советов СССР, проходивший в январе 1924 года. I съезд Советов утвердил Декларацию и Договор об образовании СССР, II съезд Советов — Конституцию СССР.

Привлек сугубое внимание Ленина и относительно частный конфликт между Закавказским краевым комитетом РКП(б), возглавляемым Г. К. Орджоникидзе, и группой П. Г. Мдивани, составлявшей большинство в ЦК КП Грузии и настаивавшей на том, чтобы Грузия непосредственно, а не через Закавказскую федерацию входила в СССР. Группа Мдивани, требуя обособления Грузии, тормозила хозяйственное и политическое объединение закавказских республик, и Ленин не одобрял эту позицию. Но должной гибкости не проявил в этом конфликте и Орджоникидзе — будучи оскорблен одним из членов группы, он дошел до рукоприкладства. Конфликт разбирала комиссия Политбюро во главе с Ф. Э. Дзержинским, но Ленин счел, что тот «отнесся к этому рукоприкладству легкомысленно». Ленин писал, что Сталин был непосредственно причастен к инциденту: «Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление про-

[1] Цит. по кн.: Краткая история СССР. Часть вторая. От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. М.— Л., 1964, с. 147.

тив пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль» [1].

Все это заставило уже больного Ленина придать частному инциденту принципиальное значение, сосредоточив в своих записках внимание на содержании самих понятий «национализм», «интернационализм».

Национализм нации большой, угнетающей и национализм нации маленькой, угнетенной, подчеркивает он, исходя из фактов сохранения и в Советской России наследия царских времен, нельзя уравнивать, ставить на одну доску — ибо первый связан с «бесконечным количеством насилий и оскорблений», и то недоверие, ту подозрительность, те обиды по отношению к инородцу, которые в прошлом нанесло правительство «великодержавной» нации, Советское правительство должно возместить иным отношением, своими уступками по отношению к нерусским нациям; «в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить» [2].

Соответственно и подлинный интернационализм со стороны угнетавшей в прошлом, или так называемой «великой», нации «должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически» [3].

Предлагает Ленин и конкретные практические меры, которые следует принять при создавшемся положении: «оставить и укрепить союз социалистических республик» — это нужно и нам и всемирному пролетариату для борьбы со всемирной буржуазией; возможно сделать на следующем съезде Советов и шаг назад, ликвидировав чрезмерную централизацию,— «оставить союз советских

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 357, 358.
[2] Там же, с. 359—360.
[3] Там же, с. 359.

социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом»; примерно наказать тов. Орджоникидзе, доследовать или расследовать вновь весь грузинский вопрос, «политически-ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского»; строжайше придерживаться соблюдения правила относительно употребления национального языка в национальных республиках, входящих в союз, не допуская их нарушения под предлогом «единства железнодорожной службы», «единства фискального» аппарата и т. п.[1]

С особой силой подчеркнуто Лениным международное значение правильного решения Советским правительством национальных проблем: «...вред, который может проистечь для нашего государства от отсутствия объединенных аппаратов национальных с аппаратом русским, неизмеримо меньше, бесконечно меньше, чем тот вред, который проистечет не только для нас, но и для всего Интернационала, для сотен миллионов народов Азии, которой предстоит выступить на исторической авансцене в ближайшем будущем, вслед за нами... А завтрашний день во всемирной истории будет именно таким днем, когда окончательно проснутся угнетенные империализмом народы и когда начнется решительный долгий и тяжелый бой за их освобождение»[2].

Международные аспекты ленинского плана. Идея индустриализации страны

О чрезвычайной важности учета международных условий социалистического строительства в России Ленин упомянул в статье «О кооперации»: «Я готов

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 360—362.
[2] Там же, с. 362.

сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе»[1]. Вплотную же он занялся международными делами уже в последней статье — «Лучше меньше, да лучше».

Ленин, конечно, понимает невозможность предвидеть все зигзаги будущего исторического развития: «...решение зависит здесь от слишком многих обстоятельств»[2]. Но это не помешало ему сосредоточить внимание на основных тенденциях в мировой политике, определить, как оказалось, на целые десятилетия вперед международную перспективу существования Советского государства.

Ленин начинает с оценки результатов революции и гражданской войны в России. Революция разрушила здесь капиталистическую промышленность, смела средневековые учреждения, создала мелкое и мельчайшее крестьянство, которое идет за пролетариатом «из доверия к результатам его революционной работы». Но продержаться нам на этом доверии «вплоть до победы социалистической революции в более развитых странах» нелегко в силу двух причин: громадной отсталости крестьянского хозяйства при нэпе («крайне низкий уровень производительности труда») и громадной отсталости промышленности; в годы гражданской войны капиталистические державы хотя и не задушили Советскую власть, но сделали все возможное, чтобы отбросить страну назад, разорить ее («в общем и целом производительность народного труда у нас теперь значительно менее высока, чем до войны»).

Что касается революционных потенций и перспектив в остальном мире, то Ленин ясно фиксирует их *снижение* в «самых старых государствах Запада» и, напротив, их

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 376.
[2] Там же, с. 404.

бурное нарастание в странах Востока. Первые «оказались, в силу победы, в условиях, когда они могут пользоваться этой победой для ряда неважных уступок своим угнетенным классам,— уступок, которые, все же, оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие «социального мира». Вторые (Индия, Китай и т. п.) оказались «окончательно выбитыми из своей колеи», втянулись «в общий круговорот всемирного революционного движения», включились в такое развитие, которое не может не привести «к кризису всего всемирного капитализма»[1].

Ленин выявляет три типа мировых противоречий, в условиях которых придется существовать Советской власти (два первых из них, действительно, во многом определят характер второй мировой войны, третье — характер послевоенных отношений). Это противоречия между Германией и странами-победителями; противоречия между преуспевающими государствами Запада и Востока (Америка и Япония); это грядущие столкновения между контрреволюционным Западом и революционным и националистическим Востоком.

Можем ли мы в этих обстоятельствах, спрашивает Ленин, спастись от грядущего столкновения с этими империалистическими державами, не дадут ли межимпериалистические противоречия нам оттяжку второй раз, как они дали в первый, в годы гражданской войны?

Самый общий ответ насчет исхода борьбы дает втягивание гигантского большинства населения Земли (Россия, Индия, Китай и т. п.) в историческую борьбу — оно «обучается и воспитывается в борьбе самим капитализмом», воспитывается в последние годы необычайно быстро — «в этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена»[2].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 401, 402, 403.
[2] Там же, с. 404.

Но нам, продолжает Ленин, интересна не эта неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой мы должны держаться, чтобы помешать «западноевропейским контрреволюционным государствам раздавить нас». Здесь-то Ленин и напоминает об обоснованной им еще до болезни магистральной идее индустриализации страны. При сохранении за рабочим классом руководства в отношении крестьянства, используя малейшее сбережение для развития промышленности, мы должны будем «пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой... на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.». Свое требование Ленин ставит совершенно категорически: «В этом и только в этом будет наша надежда» [1].

Под статьей «Лучше меньше, да лучше» стоит дата 2 марта 1923 года. С 7 марта записи секретарей Ленина прекращаются. Задуманную было специальную статью по национальному вопросу Ленин так и не написал [2]. Болезнь делала свое дело...

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 404, 405.

[2] 1 февраля 1923 г. Политбюро разрешило выдать Ленину материалы комиссии Дзержинского.

2.

„Революция сверху" и ее вождь

Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна.

Ф. ЭНГЕЛЬС

О деятельности одного из двух «выдающихся вождей современного ЦК»

От начала 20-х годов, времен Ленина, перейдем к 1924—1953 годам, к осуществлению ленинского плана, к сталинским временам. Называя 1924—1953 годы «сталинскими временами», мы не совершаем ошибки. Мы отнюдь не собираемся ни превозносить Сталина, ни преувеличивать его роль в строительстве основ социализма в СССР, как это делалось в период его культа, когда его объявляли «великим вождем», «гениальным мыслителем и величайшим революционером», «великим машинистом локомотива истории», когда пропагандировались изречения: «Сталин — это Ленин сегодня», «гением Сталина, в эпоху Сталина социализм победил»[1]. Социализм побеждал гением ленинской партийной гвардии, организа-

[1] Цит. по кн.: Сталин. *К шестидесятилетию со дня рождения.* М., 1940, с. 13, 15, 16, 25, 48, 67 и др.

торской деятельностью партии, умом интеллигенции, трудом миллионных масс. Что же касается мифа «Сталин — это Ленин сегодня», то он был сокрушен на XX съезде КПСС.

И все же мы не должны забывать: во главе партии, которая руководила строительством социализма в стране, 30 лет стоял Сталин, без его непосредственного вмешательства и распоряжения не вырабатывался ни один крупный план, не решался ни один серьезный вопрос, не производилось ни одно существенное назначение. Указаниями Сталина руководствовались партийные и хозяйственные кадры на всех участках великой стройки, его речи пропагандировались в массах, по его воле решалась участь тысяч и тысяч, миллионов людей. Будучи генсеком, Сталин получил, говоря словами Ленина, возможность и способность «влиять на направление государственных дел решающим образом». Всей своей деятельностью Сталин, безусловно, подтвердил данную ему Лениным характеристику как одного из «двух выдающихся вождей современного ЦК» — ему были присущи смелость в решениях, несгибаемость в их проведении, большие организаторские способности, логичность в полемике. Сталин усвоил и передал народу ленинское понимание критичности ситуации, в которой Советской России пришлось строить новое общество. Дилемму, стоявшую перед Страной Советов, Сталин выразил в известных словах (в речи о задачах хозяйственников 4 февраля 1931 г.):

«Иногда спрашивают, нельзя ли несколько замедлить темпы, придержать движение. Нет, нельзя, товарищи! Нельзя снижать темпы! Наоборот, по мере сил и возможностей их надо увеличивать. Этого требуют от нас наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР. Этого требуют от нас наши обязательства перед рабочим классом всего мира.

Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим!

...Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»[1].

Но невиданные темпы движения — далее мы вернемся к этой теме — вызвали неслыханные трудности в стране, «мера сил и возможностей» волюнтаристски нарушалась. К тому же в деятельности Сталина чем дальше, тем больше проявлялись те отрицательные качества, которые прозорливо подметил Ленин еще в самом начале 20-х годов. Усиливалась грубость и нетерпимость по отношению к товарищам: эти сталинские черты окрасили все внутрипартийные разногласия. Чем дальше, тем больше проявлялось стремление Сталина к «необъятной власти», оно переросло все разумные границы и стало сочетаться с поощряемым самим же Сталиным невиданным славословием. Что же касается «осторожности», с которой генсек пользовался своей «необъятной властью», то о ней свидетельствуют жертвы беззаконных репрессий, развязанных непосредственно по команде и указке Сталина.

Скажем еще об одном отрицательном качестве Сталина, о котором нет ни слова в ленинском «Завещании». Ленин не считал Сталина теоретиком и потому ничего не сказал о его теоретических взглядах. Теоретиком Ленин считал Бухарина. Но, оценивая позднейшие научные работы Сталина — «Об основах ленинизма», «К вопросам ленинизма», «О диалектическом и историческом материализме» и другие, можно и должно и о Сталине сказать: его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к «вполне марксистским». Сведение живой теории к внешне четким, ясным, но жестким, схоластическим дефинициям, предельное огрубление, «примитивизация» тончайшей марксовой диалектики были свойственны Сталину, пожалуй, еще в большей

[1] *Сталин И. В.* Соч., т. 13, с. 38—39.

мере, чем Бухарину. Об извращении Сталиным теории классовой борьбы нам еще предстоит говорить.

Рассказывая о событиях 1924—1953 годов, не будем забывать: строительство социализма было совершенно новым историческим делом, осуществляемым к тому же в исключительной ситуации, в экономически отсталой, полуграмотной стране; надо было заново создавать целые отрасли индустрии, осуществить социальный переворот в деревне, провести широчайшую культурную революцию, преобразовать всю страну. В этом деле не было никаких готовых рецептов, удачных примеров, выверенных образцов, при любом руководстве были бы неизбежны ошибки и просчеты. Но есть ошибки и ошибки, есть просчеты и просчеты. Поставленная цель — ликвидация отсталости страны — была достигнута, и достигнута в кратчайший исторический срок[1]. Но достигнута во многом такими методами и способами, которые никак нельзя отнести к категории «оправданных», «неизбежных», «нормальных». Эти чуждые социализму методы и способы партия впоследствии квалифицировала как административно-командную систему, увенчанную культом личности.

Суть культа личности, если следовать оценкам известного постановления ЦК от 1956 года, состояла в том, что некоторые временные ограничения советской демократии, неизбежные в условиях ожесточенной борьбы с внутренними и внешними классовыми врагами, Сталин начал возводить в постоянную норму внутрипартийной и государственной жизни, грубо попирая ленинские при-

[1] В 1913 г. Россия по общему объему промышленного производства занимала 5-е место в мире после США, Германии, Англии и Франции, а ее доля в мировой промышленной продукции составляла всего 3,14%. К этому уровню страна снова подтянулась в 1927—1929 гг. В 1937 г. СССР занял по промышленному производству уже 1-е место в Европе и 2-е (после США) место в мире, его доля в мировом промышленном производстве составила 13,7%.

ципы коллегиального руководства. Большой вред делу социалистического строительства нанесла ошибочная формула Сталина, выдвинутая в 1937 году о том, будто бы по мере продвижения к социализму классовая борьба будет все обостряться. На практике эта формула служила обоснованием грубейших нарушений законности и массовых репрессий. Происходили они в условиях, когда контроль партии над органами госбезопасности был подменен личным контролем Сталина, а обычное отправление норм правосудия нередко заменялось его единоличными решениями.

Культ личности «не мог изменить и не изменил природы нашего общественного строя»[1] — он не отменил общественной собственности на средства производства, не смог нарушить союз рабочих и крестьян. Но практикуемые в период культа личности методы и действия нанесли серьезный ущерб делу Коммунистической партии, советскому обществу.

Пока что в оценке «сталинских времен» историки опирались на постановление ЦК от 1956 года. Теперь мы должны сказать читателю о том, что буквально в последние полгода-год совокупными усилиями нашей общественности поднят вопрос о более углубленном подходе к негативным процессам 30-х годов (точнее, конца 20 — начала 50-х годов). Так, авторы писем в редакцию журнала «Коммунист» задавали немаловажный вопрос: «Можно ли в современных условиях признать достаточным и исчерпывающим постановление ЦК «О преодолении культа личности и его последствий»? Не кажется ли нам, что оно не вскрыло всей сущности этого явления? И не слишком ли поспешно объявили его преодоленным?» (*Куприн О.* Штрихи к портрету читателя.— Ком-

---

[1] Постановление ЦК КПСС о преодолении культа личности и его последствий.— КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986, т. 9, с. 121.

мунист, 1987, № 7, с. 120). Аналогичные взгляды высказали академик И. Минц в интервью еженедельнику «Аргументы и факты» (2—8 мая 1987 г.), писатель-драматург М. Шатров — в диалоге с советологом С. Коэном (Московские новости, 1987, 14 июня), историк В. Поликарпов — в своей острой публикации «Федор Раскольников» (Огонек, 1987, № 26, с. 4—7), историк В. Козлов — «Круглый стол» журнала «Коммунист» (1987, № 12, с. 74—75).

Мы сильно погрешили бы против истины, если бы объявили это мнение общепринятым. Многие обществоведы (мы сами сталкивались с такими) полагают, что никуда дальше постановления 1956 года нам идти не надо — в нем все сказано и все объяснено. Что же касается более широкой общественности, то ее мнение по поводу проведенной в конце 50 — начале 60-х годов борьбы с культом личности весьма неоднозначно. Журнал «Знамя» в своей подборке «Читатели о поэме А. Твардовского «По праву памяти» привел немало взволнованно-сочувственных откликов на поэму. Но были и такие мнения — «это лживый, хрущевско-солженицынский взгляд на личность и деятельность И. В. Сталина» (не указавшие своего адреса и фамилий «киевляне-читатели»). Им вторит И. Петров: «...кампания по разоблачению культа личности И. В. Сталина», которую так блистательно провел наш незабвенный Никита Сергеевич, давно закончилась. Мы все поняли. Честь ему и слава! Мир праху!»[1] А в газету «Социалистическая индустрия» (номер от 24 мая 1987 г.) поступило письмо шофера И. Е. Карасева из Пензы. Прочтя одно из наших историко-партийных пособий, он счел даже, что заслуги И. В. Сталина в борьбе с оппозицией, руководстве строительством социализма и защите Родины от фашизма столь велики, что его имя «нужно увековечить в граните,

[1] Знамя, 1987, № 8, с. 229, 232.

бронзе, даже золоте» (И. Е. Карасеву возражал в том же номере газеты академик А. Самсонов).

Не знаем, будет ли воздвигнут в нашей стране памятник жертвам сталинских репрессий, о чем говорилось на XXII съезде КПСС (факт этот припомнили солидарные с А. Твардовским читатели журнала «Знамя»). Но в том, что памятники Сталину в нашей стране больше не появятся — ни в граните, ни в бронзе, ни тем более в золоте,— особых сомнений у нас нет, порукой тому — процессы обновления, происходящие в нашей стране. Нет никаких сомнений и в том, что понимание постановления ЦК от 1956 года, как и любого исторического документа, надо действительно углублять. К последнему выводу нас толкают и раздумья над революционными процессами разных веков, в том числе и над процессами, происходившими в СССР в конце 20 — начале 50-х годов. К этому нас зовут и совпадающие с нашими мыслями соображения коллег, в частности интересные заметки А. Е. Бовина «Резерв памяти», в которых он с тревогой напомнил о том, как заглохли, «ушли в песок» попытки побороть последствия культа личности в 1956 и 1965 годах[1]. Сказал А. Бовин и об удивительной живучести некоторых проявлений культа личности: «Н. С. Хрущев, бросивший вызов защитникам культа личности Сталина, вскоре стал допускать и поощрять славословие в свой адрес. Л. И. Брежнев, человек, наделенный, несомненно, природным здравым смыслом, позволил превратить себя в памятник самому себе. А дальше по градам и весям — как круги по воде»[2]. «По градам и весям» идут ныне глубокие обновительные процессы. Помочь им призвана, обязана наша историческая наука — сделала она в этом отношении еще ничтожно мало[3].

[1] Имеются в виду решения XX съезда КПСС и экономические реформы 60-х годов.

[2] Новое время, 1987, № 5, с. 10.

[3] Историческая наука с громадным трудом оправляется от уда-

Чем отличается анализ от описания?

Если, как многие утверждают, в 1956 году не удалось дать глубокий марксистский анализ тому, что произошло, то, спрашивается, в чем состояли изъяны тогдашней постановки проблемы, какой новый подход мы должны вырабатывать теперь?

Начнем с того, о чем не сказано в постановлении 1956 года, о чем молчала и молчит до сих пор наша историческая наука. Культ личности — явление *не новое* в истории революций. Он выявился в достаточной мере еще во времена французских буржуазных революций. Демократическая революция во Франции конца XVIII века закончилась в ходе цикла 1789—1799 годов установлением единовластия Наполеона Бонапарта. Демократическая революция во Франции середины XIX века закончилась в ходе цикла событий 1848—1851 годов установлением единовластия Луи Бонапарта. Бонапартизмом специально занимался Карл Маркс, обратился он в своем классическом труде «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и к культу Наполеона I и его племянника. Но культ личности обоих императоров не интересовал Маркса *сам по себе* или *в первую очередь* — он изучал его в рамках куда более обширной, значительной, мы бы даже сказали,

---

ров, нанесенных ей в конце 60 — начале 70-х годов (расформирование Института истории АН СССР, закрытие перспективных направлений, изгнание из науки творческих кадров, занятие руководящих кресел приспособленцами от науки). Историки так и не пошли на то, на что пошли литераторы,— издание ценных произведений, созданных после XX съезда КПСС и задержанных перестраховщиками времен Брежнева. Остаются неизданными сохранившиеся в макете «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. 9, ч. I, II (М., 1966, под ред. А. П. Кучкина), «Коллективизация сельского хозяйства в СССР», т. 1, 2 (М., 1965, под ред. В. П. Данилова), а их, доработав, можно было бы издать (точнее, первое из исследований вышло в урезанном, выхолощенном виде, второе не выходило вообще).

грандиозной темы: «Государство и революция» (так ее назовет, обозначит позднее В. И. Ленин).

Анализ Маркса показывал: в эпоху становления абсолютных монархий, затем в ходе буржуазных революций Нового времени создавалась всемогущая сверхцентрализованная государственная машина, происходила гипертрофия исполнительной власти, эта власть подминала под себя гражданское общество, становясь над ним, пронизывая все его поры, контролируя его функции, сковывая его самостоятельные живые проявления — вплоть до самых незначительных. А затем «огромным государственным зданием» — объектом вожделений соперничавших в годы революций фракций и партий — овладевал тот или другой удачливый полководец революции, а то и просто политик-интриган, как это было в случае с Луи Бонапартом. Последний и был вознесен на вершину государственной власти голосами парцельных крестьян, посчитавших его своим «господином», «авторитетом, стоящим над ними, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет. Политическое влияние парцельного крестьянства в конечном счете выражается, стало быть, в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество». Культ личности Луи Бонапарта, разъяснял далее Маркс, был прямым продолжением культа Наполеона I — «историческая традиция породила мистическую веру французских крестьян в то, что человек по имени Наполеон возвратит им все утраченные блага»[1].

Впоследствии, осмысливая опыт Парижской коммуны 1871 года, Маркс и присоединившийся к его изысканиям Энгельс, а затем продолживший и обобщивший все эти исследования Ленин (сознавая необыкновенную важность проблемы, он написал в разгар событий 1917 г. свой знаменитый труд «Государство и революция») разрабо-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 208.

тали и позитивную часть темы. Позитивное решение давала пролетарская революция — она была призвана разбить, сломать созданную в период абсолютизма и становления буржуазного общества громадную сверхцентрализованную машину, заменить бонапартистскую систему правления (или пришедшие ей на смену системы республиканского буржуазного правления) системой пролетарского народовластия.

Правда, уточняли классики марксизма-ленинизма, победивший пролетариат не мог сразу отказаться от государства, от государственной власти — эти институты были нужны ему и для подавления сопротивления контрреволюции, и для созидательных целей. Но, во-первых, создаваемая «новая организация этого рода» меняла свой классовый характер, «начинала служить не эксплуататорам, а эксплуатируемым». Во-вторых, пролетариат, понимая, что государство хотя и неизбежное, но все-таки «зло», приступал сразу же, немедленно к отсечению худших сторон этого «зла» (ликвидация отрыва власти от народа, занятие руководящих постов выходцами из «низших классов», выборность и сменяемость всех должностных лиц, их подконтрольность массам, отмена их привилегий, систематическая борьба с бюрократизмом на путях развития самоуправления). В-третьих, благодаря всему этому социалистическое государство принимало, как его определял Ленин, характер некоего «полугосударства», государства, с самого начала ограничивающего себя, начинающего «отмирать», само собою «засыпать». Затем — в громадном отдалении («в конце целого исторического периода»), при переходе к коммунизму и исчезновении классов, при новой организации производства «на основе свободной и равной ассоциации производителей», процесс должен был получить завершение: все должны были научиться управлять по очереди, по очереди становиться «бюрократами», чтобы уже никто не был специально управляющим или «бюрократом». «Всю государст-

венную машину» предполагалось отправить туда же, куда люди отправили прялку, бронзовый топор и прочие архаические вещи,— в «музей древностей»[1].

К критическому анализу этих идей отечественная общественная наука, по существу, не обращалась — здесь все считалось раз и навсегда решенным, всесторонне обоснованным. Между тем внимательное изучение наследия В. И. Ленина и тем более практики сталинских времен позволяет оспорить это мнение.

В. И. Ленин, детализируя в своих подготовительных записях «Марксизм о государстве» одну из мыслей работы Маркса «Критика Готской программы», сделал интересное указание.

«Итак»,— записал для себя Ленин,—

I «долгие муки родов»

II «первая фаза коммунистического общества»

III «высшая фаза коммунистического общества»[2].

Это методологическое указание всем известно, часто цитируется, но, кажется, никто еще не «догадался» соотнести его с реальными историческими процессами. А сравнивая это обобщение с событиями сначала 1871 года во Франции, затем с событиями 1917—1956 годов в Советской России, мы должны будем признать: Парижская коммуна вообще не переживала периода «долгих мук родов» — она погибла в считанные месяцы, ей стоил жизни, как подчеркивал Энгельс, «недостаток централизации и

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 10, 12, 15, 17, 18, 24, 28, 35, 41—45, 48—49, 77—80, 109, 116, 245, 257 и др.

[2] Там же, с. 185.

авторитета»[1]. Но зато Коммуна смогла сразу же стать (благодаря бегству правительства Тьера в Версаль, радикальной очистке политической арены Парижа от прежних институтов и орудий подавления) неким социалистическим «полугосударством», немедленно обретшим — правда, в рамках одного только города — народовластие, введшим всеобщее вооружение народа, снизившим плату чиновников до уровня платы простого рабочего. Советская Россия — в отличие от Парижской коммуны — пережила период «долгих мук родов», долгих в буквальном смысле этого слова (социализм страна обрела десятилетия спустя после Октября 1917 г.). Но Советская Россия не стала «полугосударством». Здесь появились и «централизация», и «авторитет». Что же касается всеобщего вооружения народа, то его пришлось вскоре заменить кадровой Красной Армией, ВЧК. Руководство этих аппаратов иасилия формировалось из рядов лучших, проверенных в революционных боях партийцев. Тем не менее само по себе существование специальных аппаратов принуждения таило в себе и нежелательные тенденции, открывало в случае ослабления контроля партии и общества над этими органами возможность злоупотребления ими.

Социалистическая революция в России внесла существенную поправку и в представление об организации общественного производства. Реальные условия строительства нового обобществленного уклада в первые послеоктябрьские десятилетия показали невозможность непосредственного рабочего управления промышленностью и заставили перейти от рабочей коллегиальности к единоначалию. Эта централизаторская тенденция, с одной стороны, отвечала потребностям крупного промышленного производства, с другой стороны, диктовалась обстоятельствами сначала военного времени, затем восстановитель-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 33, с. 317.

ного периода, затем периода строительства социализма. И эта тенденция открывала в случае ослабления партийного, а главное, общественного, рабочего контроля возможность отчуждения аппарата управления и его бюрократизации, отрыва командиров производства от рядового состава рабочего класса.

Наконец, чиновникам советского госаппарата (поначалу только прежним «спецам», затем и выдвиженцам) Советская власть оказалась вынужденной обеспечить и определенные привилегии. «Ясно, что такая мера,— писал Ленин в «Очередных задачах Советской власти»,— есть компромисс, отступление от принципов Парижской Коммуны и всякой пролетарской власти, требующих сведения жалований к уровню платы среднему рабочему, требующих борьбы делом, а не словами, с карьеризмом»[1].

Это положение Ленина в нашей исторической литературе очень редко, но все же приводится. Однако долго игнорировалось той же литературой важнейшее, принципиальное для нашей темы высказывание Ленина о неприменимости решений, данных им в работе «Государство и революция», для характеристики ситуации, которая складывалась в послеоктябрьской России, причем ситуации не только ближайшей, непосредственной, но и более отдаленной.

На VII Экстренном съезде РКП(б) (1918 г.) Н. И. Бухарин, рекомендуя включить в Программу партии (то есть программу социалистического строительства) характеристику строя, в котором не было бы государства «как органа насилия», пытался сослаться на ленинскую работу «Государство и революция», в которой, как он выразился, «все это блестяще проведено». Это предложение вызвало самый решительный, сурово-реалистический отпор автора книги «Государство и революция»: «Но до

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 179.

этого еще далеко, и сказать это — значит ничего не сказать, кроме того... что почва слаба под ногами... Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм,— мы этого не знаем, этого сказать не можем... Кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится». Теоретически,— говорил Ленин на съезде,— дорога к социализму, естественно, представляется прямой, «в жизни она никогда прямой не будет, она будет невероятно сложной...»[1]

Об *открытости* всей проблемы «государство и революция» Ленин, в сущности, сказал незадолго перед смертью, в последней своей речи 1 ноября 1922 года: «Мы должны иметь мужество сказать, что мы создаем свой аппарат стихийно... Мы должны будем самым обстоятельным образом изучить этот вопрос, которого до сих пор изучить не могли»[2].

Правда, кое-что и весьма существенное Ленин, как мы знаем, сумел подметить в «Завещании» — последних письмах и статьях. Из его «Завещания» напрашиваются — при внимательном чтении — безусловные выводы: не только в ходе буржуазных революций, но и в ходе пролетарской революции создавалась строго централизованная государственная машина, то есть машина с чертами, которые отсутствовали у Парижской коммуны. И в ходе пролетарской революции среди ее вождей появился человек, нацеленный на единоличное обладание этой машиной (сосредоточивший, по Ленину, в своих руках «необъятную власть»). К тому же не было никаких гарантий, что этот человек будет соблюдать чувство меры («осторожность», по Ленину) в пользовании такой властью.

Содержались в «Завещании» Ленина и конкретные рекомендации по предупреждению нежелательных про-

[1] Седьмой Экстренный съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1962, с. 160—161, 141.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 250—251.

цессов — мы их проанализировали в первых разделах нашей работы. А теперь добавим, тогдашнее руководство РКП(б) в основном, в главном не реализовало ленинские предложения.

Для этого руководства еще в период работы Ленина над «Завещанием» была характерна недооценка всего его смысла и значения. Факты, свидетельствующие об этом, сообщил В. П. Наумов в беседе с корреспондентом «Правды» Л. Куриным (материалы из серии, озаглавленной «Ленинское завещание»). «До публикации статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин» в Центральном Комитете партии высказывались соображения о том, что, может быть, напечатать эту статью в номере газеты с тиражом... в одном экземпляре — специально для Владимира Ильича, чтобы, дескать, не волновать, успокоить его. Но Ленин все же настоял на своем. И статья появилась в «Правде».

Но вскоре после ее публикации во все губкомы партии было направлено письмо Политбюро и Оргбюро. В этом циркуляре Политбюро и Оргбюро считали необходимым довести до сведения губкомов те обстоятельства, при каких написана статья. То есть имелось в виду болезненное состояние Владимира Ильича. В этом письме сообщалось, что Ленину из-за переутомления не разрешено читать газеты; что он не принимает участия в заседаниях Политбюро и ему не посылают протоколы; что врачи сочли возможным ввиду невыносимости для него полной умственной бездеятельности вести нечто вроде дневника, куда он заносит свои мысли по разным вопросам; что отдельные части этого дневника по указанию и настоянию самого Владимира Ильича появляются на страницах печати. Таким образом, недвусмысленно давалось знать, как следует относиться к этим ленинским работам.

Подписали это письмо Андреев, Бухарин, Дзержин-

ский, Калинин, Каменев, Куйбышев, Молотов, Рыков, Сталин, Томский, Троцкий 27 января 1923 г.»[1].

В той же мере недооценка ленинского «Завещания» была проявлена руководством партии и при ознакомлении с его рекомендациями участников XII, а затем XIII съезда РКП(б)[2]. Состав ЦК был, правда, расширен, но не настолько и не так, как предлагал Ленин. Объединенный орган ЦКК — РКИ был также создан, но с куда более ограниченными полномочиями, чем те, которые виделись Ленину,— ЦКК — РКИ никогда не контролировал генсека, никогда не определял он собой и «весь наш госаппарат в целом». Последний во все большей мере определял генсек. XIII съезд, заслушав, но так и не обсудив «Письмо к съезду», оставил Сталина на посту генсека. А через какие-нибудь год — два начали развиваться те негативные процессы и явления, которые так волновали Ленина. Тридцать лет спустя, уже после смерти Сталина, ЦК КПСС пришлось принимать специальное постановление «О преодолении культа личности и его последствий». Резко бросающийся в глаза, но отнюдь не самый существенный признак происшедшей в советском обществе деформации был взят за основу документа. Его текст вообще лишен арсенала тех классических научных понятий, через призму которых Маркс, Энгельс, Ленин рассматривали проблему «государство и революция». Здесь не было понятий: государственный аппарат принуждения, исполнительная власть и общество, полугосударство, отмирающее государство, бюрократизм, самоуправление, чиновничество, привилегии чиновникам и т. д. Появились, правда, некоторые новые определения, которых не было в «Государстве и революции»: «культ личности», «некоторые ограничения демократии», «серьезные нарушения советской законности», «массовые репрессии».

[1] Правда, 1988, 25 марта.

[2] XII съезду не были известны ленинские записи по персональным вопросам.

Обиовлять категориальный аппарат общественной наукн, безусловио, иеобходимо, ведь классики могли исследовать лишь самый иачальный этап процесса формироваиия пролетарской государственности, они ие могли предвидеть всех будущих зигзагов исторического пути. Но обновлять категориальиый аппарат иауки иужно, не отбрасывая, а обогащая, дополияя, развивая прежние поиятия и, главиое, *анализируя* события. Между тем постаиовлеиие, дальше которого ие двигались историки, содержало, по сути дела, не анализ, а описаиие событнй. Понять суть проблемы было иельзя без сравнительно-исторического анализа, ои был необходим ие только в отношеиии буржуазных революций Нового времеии и пролетарской революции в России. Ои был иеобходим и в отиошеиии эпохи так иазываемого первоиачальиого капиталистического накопления в Европе и эпохи «первоначальиого социалистического иакопления» — закладки фундамеита социализма в СССР. Первоиачальиое иакопление в Европе хронологически ие совпадало с буржуазиыми революциями, оио предшествовало им, буржуазные революции имели дело, в сущиости, со сложившимися формами капиталистической экономики. «Первоиачальное социалистическое накоплеиие» совпало с пролетарской революцней (в широком смысле этого слова) — ведь пролетарская революция не приводила надстройку в соответствне со сложившимся социалистическим базнсом, а создавало то и другое параллельно; точнее, созданная пролетарской революцией в 1917 году иовая политическая надстройка подводнла под себя затем иовый экономический базис, должна была строить социалистические производствеиные отиошения, закладывать материальные основы социализма (последние были развиты в капиталистической России совершенно иедостаточно) [1].

[1] «Первоначальное накопленне» в СССР мы должны, естественно, отлнчать от первоначального капнталнстического накопления, как

Имея в виду отличие научного анализа от простого описания, сделаем теперь попытку проанализировать явления, происходившие в СССР в конце 20 — начале 50-х годов. «...Правдивый анализ,— говорил в докладе, посвященном 70-летию Великого Октября М. С. Горбачев,— должен помочь нам решать сегодняшние наши проблемы: демократизации, законности, гласности, преодоления бюрократизма — словом, насущные проблемы перестройки. Вот почему нам нужны и здесь полная ясность, четкость и последовательность» [1].

Сразу же оговоримся: мы не претендуем ни на полноту, ни на завершенность анализа. В сущности, читателю предлагаются всего лишь наметки теоретического разбора сложнейших проблем становления социализма в СССР. Завершена же работа может быть только коллективными усилиями историков-марксистов. Те шаги, которые были сделаны советскими учеными в этом направлении за самое последнее время, мы постараемся отметить, учесть в ходе нашего разбора. Нами использованы и результаты работы комиссии, созданной Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов, по изучению преступлений Сталина на почве злоупотреблений властью.

оно происходило, например, в Англии. В СССР не было так называемого огораживания, не складывался класс капиталистов, собственность находилась в руках государства. Но в СССР осуществлялось в больших масштабах «освобождение» крестьян от земли; с ликвидацией мелкого «индивидуального» крестьянского хозяйства, где крестьянин был полноправным и единственным распорядителем собственности, происходила ликвидация «свободной индивидуальности самого работника» (Маркс); шло отчуждение прибавочного, а иногда и части необходимого продукта деревни в пользу индустриализующегося города. Последнее неудивительно. Социалистическая революция в России была призвана завершить процессы, не доведенные до конца буржуазным развитием России.

[1] *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987, с. 22.

Сталинское «первоначальное накопление»

Уточним прежде всего принципиально важный момент, который в общем-то не нашел отражения в нашей исторической литературе. Роды нового общественного строя — процесс прогрессивный, но далеко не идиллический, это достаточно мучительный процесс. Капитализм, как показал К. Маркс в знаменитой 24-й главе своего «Капитала» («Так называемое первоначальное накопление»), источал при своем рождении «кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят»[1]. Социализм создавался творчеством миллионных масс, воспринявших лозунги партии, он рождался их самоотдачей, их энтузиазмом, их самопожертвованием. Героические подвиги рабочего класса при возведении, освоении Днепрогэса, Магнитки, Сталинградского тракторного и тысяч других индустриальных объектов; ударничество, стахановское движение, самозабвенный труд инженерных руководящих кадров, усилия, давшие возможность за две-три пятилетки вырвать страну из отсталости; включение широчайших крестьянских масс в работу по социальному преобразованию деревни; вдохновенная работа интеллигенции по проведению завещанной Лениным культурной революции — ярчайшие тому примеры. Но и социализм не смог родиться без пота и крови.

Роды социализма в России не были простыми, это были *осложненные роды*. Их осложняло и международное положение страны, и создавшееся в ней внутреннее положение.

СССР был единственным в ту пору государством, вставшим на путь социализма, он находился во враждебном капиталистическом окружении, ему неоткуда было ждать

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 770.

помощи, займов, а вот угроза интервенции — и с Запада, и с Востока — росла на его границах.

Свой старт социалистического строительства СССР начинал не с уровня развитой капиталистической страны, в которой созрели основные материальные предпосылки социализма, а с гораздо более низкого уровня. Поэтому приходилось решать не только социалистические по своему характеру задачи (например, создание социально однородного общества, подъем благосостояния населения страны), но и задачи недорешенные российским капитализмом (такие, как индустриализация страны, подъем культуры).

СССР обладал достаточно архаичной социальной структурой населения, был по преимуществу мелкокрестьянской страной; а мелкое крестьянство, получившее от Советской власти в единоличное распоряжение землю, в массе своей отнюдь не являлось поборником собственно социалистических преобразований. Господствующим типом крестьянского хозяйства (93—94%) было хозяйство индивидуальное, мелкобуржуазное, которое рождало стихийно не социализм, а капитализм. Только 6—7% крестьянских хозяйств были коллективизированы накануне первых пятилеток. Правда, около 55% хозяйств были уже охвачены теми или иными формами кооперации, но это были преимущественно низшие, пока еще первичные формы кооперации, лишь облегчавшие подведение крестьян к социализму, но отнюдь не обеспечивавшие его. В годы нэпа в стране появилась существенная прослойка эксплуататорских классов: нэпман в городе, кулак в деревне.

«Великому перелому» 1929 года в России, как его обозначил Сталин[1], предшествовали сбои нэпа, сам «великий перелом», в сущности, начинал полную и быструю ликвидацию нэпа. В 1927 году под влиянием слухов о вой-

[1] См.: *Сталин И. В.* Соч., т. 12, с. 118—135.

не (разрыв отношений с Англией в середине 1927 г.) городское население резко увеличило закупки продовольствия, а сельское, прежде всего кулачество (к тому же недовольное политикой цен),— снизило продажу зерна государству. Проблемы обострились осенью этого года: государство недобрало 128 млн пудов зерна. Трудности с хлебозаготовками повторились в 1928 году — партии пришлось прибегнуть к мобилизации партийного аппарата и чрезвычайным мерам в деревне, напоминающим меры времен «военного коммунизма» (основой здесь был так называемый «сибирский метод» Сталина, лично вмешавшегося в Сибири в ход хлебозаготовок). В 1929 году Сталин и его сторонники в ЦК, преодолев сопротивление группы Бухарина, искавшей выхода на путях нормализации рынка, временных закупок хлеба за границей, некоторого сокращения капиталовложений в металлургию и машиностроение, взяли курс на непомерно резкое ускорение социалистических преобразований в стране, форсирование индустриализации в городе, коллективизации в деревне, наступление на капиталистические элементы «по всему фронту».

По концепции Сталина нэпман и кулак подлежали как класс «ликвидации» — сделать это без мер прямого насилия было никак невозможно. Но без мер насилия, а также принуждения нельзя было решить и задачи, «недорешенные» в свое время запоздалым, отставшим российским капитализмом. Без таких мер нельзя было изъять средства накопления у населения (вещь абсолютно неизбежная ввиду отсутствия помощи извне, внешних займов). Иначе нельзя было заставить переместиться массу населения из деревни в город (миллионы крестьян надо было оторвать от собственных хозяйств). Без таких мер нельзя было заставить крестьян быстро объединиться в колхозы (и здесь миллионы людей надо было оторвать от индивидуальных хозяйств). Невозможно было без мер принуждения, а то и прямого насилия наладить дисцип-

лину труда средн прншедшнх на заводы и фабрнкн крестьян (людей, «невывареиных» капиталнзмом в «фабричном котле»). Иначе нельзя было наладнть днсциплнну труда среди крестьян, входящнх в колхозы (тем более что методы экономнческого стимулнрования труда колхозников или обеспечение нх личиым подсобным хозяйством былн найдены далеко не сразу).

Ко всему этому надо добавнть ухудшение материального положения крестьянства в годы массовой коллективизации по сравнению с годами иэпа — деревия стала хуже питаться, потреблять меиьше хлеба, мяса, молока, больше — картофеля. Резко ухудшнлось (особенно в первую пятилетку) и положение городского населения — карточиая система обеспечивала лишь иизкий прожнточиый уровеиь, рослн цены, рос дефицит самых необходнмых продуктов, с быстрым ростом городского населения обострилась жнлнщная проблема как в старых городах, так н в городах-новостройках. Мнллноны советскнх тружеников понималн вынужденность такого положення, понимали, что страие любой ценой иадо сделать рывок нз отсталостн к прогрессу, но сказать, что до такого поиимання доросла вся страна, все люди, зиачило бы сказать неправду. Зиачительную часть населения страны (а страна, повторяем, была по пренмуществу мелкокрестьянской) прнходилось *заставлять* мнриться с проводимыми мерамн, мнриться с создавшимся положением самыми разнообразными прииуднтельными мерамн н средствами.

Выработаииый первый пятнлетинй план ставил, правда, целью и подъем благосостояния страны, ио от этой цели пришлось отказаться. В первые годы индустриализации надо было вкладывать большие средства в строительство, не получая поначалу иичего взамен. Чтобы приобрести средства для ввоза оборудовання, был резко увелнчен экспорт хлеба, сахара, сокращен импорт сырья для легкой промышленностн. Главная задача свелась к тому, чтобы обеспечить форснрованное развнтие ключевых от-

раслей крупной индустрии, а сделать это было невозможно без нарушения «нормальных» пропорций хозяйственного развития, без вложения средств не только в прибыльные, рентабельные предприятия, а и в предприятия нерентабельные, но нужные для скорейшей ликвидации отсталости страны. Сделать это было невозможно и без создания в стране жестко централизованной системы управления, переноса центра тяжести от экономических рычагов к рычагам административным, во многом напоминающим рычаги периода «военного коммунизма».

Для партии все эти меры не были полной неожиданностью. Еще в резолюции X съезда РКП(б), провозгласившего переход к нэпу, прямо говорилось, что «партия должна обладать достаточной эластичностью, чтобы в случае необходимости быстро перейти к системе боевых приказов»[1]. В. И. Ленин, будучи трезвым политиком, отнюдь не исключал, *при чрезвычайных обстоятельствах*, принятия самых крутых мер. В письме в Политбюро ЦК о тезисах Е. А. Преображенского (16 марта 1922 г.) он прямо указывал, что такой случай, как, например, война, «может принудить к комбедовским способам»[2]. Самые крутые, чрезвычайные меры не исключались Лениным и для перехода от нэпа к социализму. «Величайшая ошибка думать,— писал он 3 марта 1922 года Л. Б. Каменеву,— что *нэп* положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому»[3].

А теперь добавим, что Сталин в экстремальной ситуации конца 20—30-х годов действительно прибег к «комбедовским способам», к «системе боевых приказов», вернулся он и к «террору», причем не только экономическому. Но все дело в том, что меры, характерные для чрезвычай-

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983, т. 2, с. 327.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 44.

[3] Там же, т. 44, с. 428.

ной ситуации, были предельно ужесточены, а вся система методов, учреждений, порядков, созданных для специфических целей (прежде всего для преодоления отсталости страны), были выданы за методы, порядки, учреждения, присущие не только строящемуся социализму, но и социализму вообще. Как справедливо подчеркивал в одной из своих публикаций Г. Попов, все это не могло не привести впоследствии к конфликту между сутью социалистической экономики и исторически преходящим механизмом управления, созданным для строительства этой экономики. Конфликт этот не был осознан ни во времена Хрущева, ни во времена Брежнева — хотя этим конфликтом были, в сущности, продиктованы и поспешные эксперименты с совнархозами, и неудавшаяся реформа 60-х годов.

Совершенно естественно, что в период такой «революции сверху» (так ее назвал Сталин[1]) было отодвинуто на второй план, точнее говоря, вообще отброшено важнейшее положение марксизма-ленинизма о социалистическом государстве как государстве отмирающем, напротив, произошла огромная гипертрофия государственно-административной функции, до чрезвычайности возросло вмешательство государства во все поры общественной жизни — в сферу не только политики, но и хозяйственную, культурную, идеологическую. С другой стороны, были отставлены в сторону принципы, идеи самоуправления, являющегося, в сущности, единственной гарантией от угрозы бюрократизма. Бюрократия, начавшая бурно развиваться в сталинские времена, и стала «главной социальной силой механизма торможения». Об этом справедливо писал А. Бутенко в газете «Московская правда». И все же, на наш взгляд, он упрощенно трактует весь вопрос, сводя дело к тому, что Сталин просто «забыл» ле-

[1] Сталин применял термин «революция сверху» к коллективизации, думаем, он относится ко всем преобразованиям конца 20—30-х годов.

нинские идеи и мысли о борьбе с бюрократизмом, предпочтая «управлять административно-волюнтаристскими методами»[1]. Ставить государственный аппарат под реальный, непосредственный контроль масс было объективно невозможно, совершенно немыслимо, когда задачи социалистического строительства сознавались, активно поддерживались отнюдь не всем населением страны (они были близки относительно малочисленному, но растущему рабочему классу в городе и отнюдь не преобладающей бедноте в деревне). Другое дело — забвение Сталиным *принципиальной стороны* дела, абсолютизация методов, применение которых оправдано лишь в чрезвычайной ситуации. Характерно, что как раз в начале 30-х годов, в условиях нарастающей всеобъемлющей сталинской централизации, был вообще ликвидирован организованный по заветам Ленина орган ЦКК — РКИ (под руководством В. В. Куйбышева, Г. К. Орджоникидзе, Я. Э. Рудзутака он вел в середине 20 — начале 30-х годов определенную работу по совершенствованию советской государственной и хозяйственной системы). Заявляя на XVII съезде партии, что надобность в ЦКК — РКИ отпала, Сталин утверждал, что нам вовсе не нужна организация, которая задавалась бы универсальной целью «инспектирования всех и вся», нужны лишь государственный контроль, проверка «исполнения решений центральных учреждений Советской власти»[2].

Мы говорили о вынужденности мер насилия, а также принуждения в годы форсированной индустриализации и коллективизации страны. История строительства основ социализма лишний раз подтвердила правоту обобщения Маркса: «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само на-

[1] *Бутенко А.* При свете гласности.— Московская правда, 1987, 7 мая.
[2] *Сталин И. В.* Соч., т. 13, с. 373—374.

силие есть экономическая потенция»[1]. Но снова характернейшая черта ситуации, в которой проводилась сталинская «революция сверху»: чрезвычайность, исключительность насильственных мер, их временный, ограниченный характер не были признаны ни в малейшей мере, напротив, насилие приобрело непомерные размеры, сделалось одним из главных рычагов решения возникающих задач — будь то изъятие хлеба у крестьян, обеспечение их массового вступления в колхозы, улучшение работы промышленности и транспорта, укрепление обороноспособности, подъем науки и культуры. Процесс не был однолинейным, в нем были «отливы» и «приливы», но в общем и целом рамки применения насилия расширялись по мере развертывания созидательных процессов в стране, «повивальная бабка» не желала прекращать свою работу даже после того, как роды вроде бы завершились. И здесь была уже личная вина Сталина и его соратников — они не только не сдерживали созданный еще в годы революции и гражданской войны механизм репрессий, но и всячески раскручивали его маховик.

Так, в ходе ликвидации заготовительных трудностей 1928 года репрессии стали применять к кулаку, но они сразу же задели и середняка. В ходе организации колхозного движения в 1929—1930 годах еще более широкие и жестокие репрессии наносили удар и по кулаку, и по середняку (раскулачивалось в начале 30-х годов во многих районах до 10—15% крестьянских хозяйств, в то время как кулаков реально числилось гораздо меньше — от 3 до 5%). После появления статьи Сталина «Головокружение от успехов» (в ней он все грехи свалил на местных партработников) перегибы были устранены, но не полностью и не надолго. В 1932 году репрессии стали применять и к колхозам, не обеспечившим сдачу зерна (особенно отличился Л. М. Каганович на Северном Кав-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 761.

казе). Сталин же дошел в январе 1933 года до идеи о том, что колхозы могут быть и антисоветской организацией, если в них будут заправлять (и это — в условиях Советской власти!) «эсеры и меньшевики, петлюровские офицеры и прочие белогвардейцы, бывшие деникинцы и колчаковцы» [1]. Соответственно в 1933 году широкие масштабы приняла чистка колхозов и деревенских партийных организаций.

Все это нагнетание репрессивных мер объяснимо — ведь создание колхозов интересовало Сталина прежде всего с точки зрения создания безотказного механизма для изъятия больших товарных масс хлеба у деревни. Статистика вещь бесстрастная, но в то же время и безжалостная. Суммарные данные здесь таковы: при примерно одинаковом валовом сборе зерна (4,5 млрд пудов в 1928 г., 4,3 млрд пудов в 1931—1932 гг.) заготовки хлеба выросли почти вдвое — они составляли 680 млн пудов хлеба до сплошной коллективизации и 1,3 млрд пудов хлеба в период ее осуществления [2].

Возможно, все это жестко диктовалось тогдашними условиями: запросами экспортных операций и снабжения быстро растущих городов, но последствия административно-репрессивного нажима не могли не сказаться (особенно в первые годы коллективизации) на резком ухудшении положения крестьянского населения; следует учесть и сокращение вдвое поголовья скота, и просто страшный голод — как это было на Украине, Северном Кавказе и других местах в 1932—1933 годах. Кстати, о чем не позволяли писать нашим историкам в 60-е годы: политика Сталина не сводилась к ликвидации кулачества как класса. У него была целенаправленная политика вытеснения единоличника как социального слоя — единоличнику отводились худшие земли, с него брали зерна и

[1] *Сталин И. В.* Соч., т. 13, с. 227.
[2] См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967, т. 8, с. 587, 588.

картофеля в 1,5—2 раза больше, чем с колхозника, его давил непомерный налог[1]. Такими, собствеино говоря, методами и был обеспечен невероятио завышеиный (по сравнеиию с первоначальиыми наметками пятилетнего плаиа) процеит коллективизации в первой пятилетке — 63% вместо 18-20%; во второй пятилетке процеит коллективизации подскочил уже к цифре 93. Радикальиейшее в истории преобразоваиие деревни (а коллективизация ликвидировала в ией классовое расслоение, позволила подияться к лучшей жизни бедияку, обиовила — хотя и не сразу — весь технический базис сельскохозяйственного производства) было проведеио, в сущиости, прииудительиыми, до предела форсированиыми методами, достигнуто ценой неоправдаиных издержек и жертв. Далеко не сразу были найдены рациоиальные формы новой колхозной жизни (трудодень, постояиная производствеиая бригада, личное подсобное хозяйство), да и оии не восстаиовили в полиой мере самостоятельность, «свободную индивидуальиость самого работиика» — эту традициоиную основу эффективиого земледельческого труда.

С коица 20 — начала 30-х годов репрессии стали все шире примеияться в промышленности, сначала в отиошеиии старых «спецов», затем и в отиошеиии выдвижеицев: «вредительством» прежде всего объясияли провалы и сбои в работе промышлеииости, падеиие качества работ, невыполнеиие плаиовых задаиий, появлеиие диспропорций и экоиомических трудностей — явлений абсолютио

[1] На совещании секретарей республикаискнх, краевых н областных партийных организаций, проведением ЦК в июле 1934 г., Сталин прямо заявил: «Надо создать такое положенне, прн котором индивидуалу в смысле усадебного лнчиого хозяйства жилось хуже, чтобы он имел меньше возможиостей, чем колхозник». И далее: «Очевндно, надо усилить налоговый пресс...» Эта установка была прнведена в макете «Историня СССР с древнейших времен до наших дией» (т. 9, ч. I, с. 189—190), о котором мы уже упомннали.

неизбежных в условиях придания индустриализации (особенно в годы первой пятилетки) невероятно форсированного темпа (он был снижен в годы второй пятилетки). На февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года доклад о «вредительстве» в промышленности был поручен Г. К. Орджоникидзе, который до Пленума тщетно пытался убедить Сталина в беспочвенности его обвинений. После самоубийства Орджоникидзе[1] доклад о «вредительстве» в промышленности сделал Молотов.

Сам же Сталин выдвинул на том же Пленуме свою печально знаменитую «теоретическую» идею о том, что классовая борьба будет обостряться по мере упрочения социализма, он подкрепил ее и соображениями о «старых и новых вредителях». Он утверждал, что старые вредители — это открытые классовые враги, а нынешние вредители и диверсанты, троцкисты — люди большей частью партийные, с партийным билетом в кармане, стало быть, люди формально не чужие. Эти установки, являясь, в сущности, обобщением всей сталинской практики конца 20—30-х годов, практики, получившей полное развитие после зловещего убийства Кирова, открыли дорогу массовым репрессиям среди партийных, советских, промышленных кадров. В 1937—1938 годах репрессии срезали, по существу, «головку» Красной Армии — более половины ее высших и средних командных кадров[2]. Об аракчеевском режиме в науке известно и по систематическим поискам

---

[1] Версия о том, что Орджоникидзе умер от разрыва сердца или кончил жизнь самоубийством, ныне оспаривается. Об этом напомнил Ю. Семенов в своих очерках, публиковавшихся в «Московском комсомольце». Тот же Юлиан Семенов сообщает, что все лица, составлявшие акт о смерти Орджоникидзе, были вскоре расстреляны — кому-то надо было убрать опасных свидетелей. См.: *Семенов Ю.* Ненаписанные романы.— Московский комсомолец, 1988, 7 февраля.

[2] См. данные А. И. Тодорского.— Дружба народов, 1988, № 3, с. 233—234.

«троцкизма» среди людей, разрабатывавших историю партии, и по борьбе с так называемым «меньшевиствующим идеализмом», позднее — по травле так называемых «вейсманистов-морганистов». Все эти идеологические разоблачения сопровождались репрессиями, которых не избежали и деятели литературы, искусства, культуры. В стране была принята демократическая Конституция. Но в стране было введено Сталиным репрессивное законодательство, вернее, царило беззаконие, сводившее на нет права граждан. На самом гребне развертывавшегося в стране строительства основ социализма к руководству органами госбезопасности, когда-то находившихся в чистейших руках Дзержинского, по воле Сталина пришли омерзительные фигуры — сначала Ягода, затем Ежов, затем Берия.

Уже упоминавшийся Г. Попов, рецензируя книгу А. Бека «Новое назначение», высказал такую мысль: то, что постановление ЦК 1956 года называло «грубейшими нарушениями законности», не было ни случайностью, ни субъективной ошибкой. Созданная Сталиным в годы первых пятилеток Административная Система — система жестких, безапелляционных приказов сверху и их неукоснительного, беспрекословного исполнения снизу — вообще не могла успешно функционировать без подсистемы страха, в сущности обеспечивающей безотказность всего механизма. «Без Берия Сталин никогда бы не смог стать Хозяином, а без них обоих Административная Система не смогла бы приобрести логическую завершенность, цельность, практическую эффективность». Каждым из «винтиков» системы двигали *вера* в правоту Хозяина (если эта вера приходила в столкновение с их собственным опытом, собственными убеждениями, получались неизбежные «ошибки», как у героя романа А. Бека Онисимова) и *страх,* постоянный страх перед занесенной над ними «рукой Берия» (или его подручных). Без всего этого такая Система не могла существовать — другое дело, что реа-

лизовываться ее возможности могли и в «относительно культурном, и в наиболее варварском виде»[1].

В этот анализ мы внесли бы одну существенную поправку — логическую завершенность сталинской системе придавал все же режим личной власти и его оборотная сторона — «культ вождя».

Превращение репрессивного аппарата в «личное оружие» Сталина было существенной частью происходивших в стране процессов, но главным было, безусловно, превращение в его же личную вотчину всего центрального партийного и государственного аппарата. По принципу личной преданности, беспрекословного подчинения вождю партии чем дальше, тем больше формировалось руководство партии и страны, назначались секретари обкомов, крупные должностные лица (хотя не отрицаем, учитывались и их деловые качества — ведь назначаемым кадрам надо было суметь возглавить строительство социализма в стране, а не только проявлять преданность руководителю). И напротив, не только отстранялись от постов, но и уничтожались физически (чем дальше, тем больше) кадры, проявлявшие признаки инакомыслия, представлявшие потенциальную угрозу единовластию вождя. Судьба участников XVII съезда ВКП(б), «съезда победителей»,— подтверждение сказанного выше.

«Старые большевики,— писал Л. Шаумян, автор единственной вышедшей у нас в 60-е годы обобщающей статьи «Культ личности»,— особенно те, кто помнил ленинское «Завещание», понимали ненормальность складывающейся обстановки. Как выяснилось много лет спустя, в дни XVII съезда ВКП(б) (1934 г.) у некоторых делегатов возникла мысль о смещении Сталина с поста генерального секретаря; при выборах в ЦК некоторые делегаты проголосовали против Сталина. После съезда Сталин принял

[1] Наука и жизнь, 1987, № 4, с. 62.

свои меры, уничтожив более половины участников XVII съезда: 1108 из 1966 делегатов. Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на XVII съезде, погублено 98 человек»[1].

Систематически попирались при Сталине ленинские нормы внутрипартийной демократии. Грубо нарушались уставные требования, нерегулярно созывались съезды партии и пленумы ЦК. В первые шесть лет Советской власти при Ленине (1918—1923 гг.), в тяжелейших условиях гражданской войны и начавшегося восстановления состоялось шесть общепартийных съездов, пять конференций, 79 пленумов ЦК партии. За два десятилетия утвердившегося культа личности (1934—1953 гг.) состоялось всего три съезда партии и одна конференция, причем интервал между XVIII и XIX съездами составил 13 лет. Что касается пленумов ЦК, то была начисто забыта идея Ленина о даиной инстанции, как вырабатывающей реальную политику партии. За два десятилетия было созвано только 23 пленума, в 1941, 1942, 1943, 1945, 1946, 1948, 1950 и 1951 годах пленумы вообще не собирались[2]. Не только ЦК было подмято Сталиным, свертывалась и работа Политбюро (с 1952 г.— Президиум ЦК) как коллегиального органа. Сталин привык опираться на мнение «ближайших советчнков»: Молотова, Кагановича, Берия, Жданова, Маленкова, но больше всего ценил и выше всего ставил свое непререкаемое собственное мнение.

[1] *Шаумян Л.* Культ личности.— Фнлософская энциклопедия. М., 1964, т. 3, с. 116. Стнтья отражала уровень разработки проблемы, достигнутый к 1964 г., ее ввтор пользовался, по-вндимому, и докладом Н. С. Хрущева XX съезду КПСС. В этом докладе иет решнтельно иичего «секретного» (ведь он зачнтывался на собраннях коллективов), и его обнародование помогло бы и иашей исторнческой иауке, и борьбе с остаткамн идеологнн культа лнчностн в стране (за граннцей доклад был опубликован еще в 1956 г. и известен под названием «Доклад Хрущева»). Сегодия, естественио, требуется и иаучный комментарий к этому докладу.

[2] См. там же, с. 115.

В целом культ личности (мы отнюдь не отказываемся от этого понятия, но лишь ставим его в более широкие социологические рамки, рамки марксистского учения о государстве и революции) тормозил, отягчал, деформировал социалистическое строительство. Культ личности имел, безусловно, *объективную* основу. Завоевание советским народом «не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации» (Ленин) [1] сказалось и на судьбе народа, и на характере строящейся цивилизации.

Эти «не совсем обычные условия» сводились, если брать главное, к следующим: незавершенность процессов первоначального накопления, приводившая в условиях предельно сжатых сроков индустриализации к необходимости принятия насильственных, принудительных мер; чрезвычайно высокая степень вмешательства государства в преобразовательный процесс, сверхцентрализованное государство — а именно таким оно вышло из периода гражданской войны,— в сущности, диктовало, обусловливало ход всех преобразований и в области экономики, и в области политики, и в области культуры; крайне низкий уровень просвещенности масс населения, их бескультурье, их отягощенность мелкобуржуазными или патриархальными пережитками, особо низкий уровень *политической* культуры. Первое и второе из этих обстоятельств и питали тенденцию к «некоторым нарушениям демократии», «серьезным нарушениям советской законности», «массовым репрессиям», второе и третье — вели к тому, что было собственно «культом личности».

Выясняя характер эволюции государственности в новое время, Маркс писал, что первая французская революция вынуждена была «развить далее то, что было начато абсолютной монархией, то есть централизацию и организацию государственной власти, и расширить объем и атрибуты этой власти, число ее пособников, ее независи-

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 380.

мость и ее сверхъестественное господство над действительным обществом — господство, которое фактически заменило собой средневековое сверхъестественное небо с его святыми» [1].

Говоря о характере эволюции государственности в советское время, мы должны будем признать, что пролетарская революция лишь ненадолго прервала этот процесс развития; в годы сталинской «революции сверху» он получил еще более бурное развитие, чем в годы первой французской революции. Вынужденная сверхцентрализация, гипертрофия исполнительной власти и ее полнейшее господство над обществом, предельное сужение демократии, недостаточная культурность и мелкобуржуазность страны, прежде всего отсутствие политической культуры, явились той основой, на которой во времена Сталина выросли и неограниченность прерогатив власти, и неуемное славословие вождя. *Личные качества* Сталина — его властолюбие, примитивизация им теории классовой борьбы, его приверженность к террористическим методам в политике — резко усугубили негативные процессы.

В истории редко можно встретить личность со столь противоречивыми, взаимоисключающими качествами. Под руководством Сталина партия вырвала страну из отсталости, и по его же воле всю общественную систему пронизали элементы насилия, казарменности, всепроникающего надзора. Вознесенный на небывалую высоту, вождь умел развязывать народную инициативу, и он же подменял творческую инициативу масс массовым принуждением. Он умел находить, отбирать, ставить на ключевые посты достойных деятелей, людей, способных на смелые, самостоятельные решения, и он же сковывал их инициативу, опустошал их ряды. Он выделял стóящих ученых, писателей, композиторов, и он же подавлял,

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 544.

омертвлял научную мысль и культуру. Он «разбавил» атмосферу энтузиазма у строителей нового общества атмосферой страха, неуверенности, подозрительности, всяческого рода запретов — той атмосферой, в которой процветали разного рода доносчики, подхалимы, интриганы, карьеристы — словом, «шайка прохвостов, обделывавшая свои делишки при терроре», как ее назвал Энгельс, имея в виду аналогичные процессы, развертывавшиеся еще во времена якобинского терроризма [1].

Итак, не будем забывать: Сталин стоял во главе строительства социализма в стране. Но будем помнить: он с не меньшим усердием одновременно строил и режим личной власти. Строил он этот режим, без жалости и пощады растаптывая людей, стоящих на его пути. Еще хуже, что те же бесчеловечные методы применялись и в строительстве социализма, затрагивая судьбы сотен тысяч и миллионов людей.

Эта сторона культа личности, пожалуй, больше всего волнует пишущих ныне о сталинских временах. Реже и хуже разрабатывают они сущностные характеристики созданного тогда режима. Но все же и эти характеристики начинают мало-помалу выявляться в нашей литературе.

Поправка к формуле К. Симонова: «...не будь 1937 года, не было бы и лета 1941 года...»

К глубоким явлениям в нашей публицистике последнего времени мы бы отнесли помимо уже отмеченной выше рецензии Г. Попова на книгу А. Бека «Новое назначение» и статью К. Симонова «Уроки истории и долг писателя», написанную еще в середине 60-х годов, но задержанную перестраховщиками времен Л. И. Бреж-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 33, с. 45.

нева. К. Симонов обращался не только к проблемам мемуарной литературы в сталинские и послесталинские времена — он выходил к фундаментальным проблемам нашего общественного развития в конце 30 — начале 40-х годов, он обнажал пока еще не понятые мемуаристами самые существенные связи событий этих зловещих времен. Основная мысль К. Симонова заключалась в следующем: «...не будь 1937 года, не было бы и лета 1941 года, и в этом корень вопроса». Суть дела, разъяснял К. Симонов, нельзя сводить к уничтожению выдающихся военачальников того времени — Тухачевского, Корка, Уборевича, других. Во-первых, погибли не только они — вслед за ними и в связи с их гибелью погибли «тысячи других людей, составлявших значительную часть цвета нашей армии», погибли с тем же клеймом «враг народа». Во-вторых, предельно трудно шло после процессов 1937—1938 годов восстановление моральных ценностей и дисциплины в армии — еще продолжались пароксизмы подозрений и обвинений, а главное, над теми кадрами, которые посмели бы перечить Сталину, поставившему накануне войны с гитлеровцами свое мнение выше реальности, висела все та же угроза гибели с посмертным клеймом «враг народа». «Сталин,— пишет К. Симонов,— все еще оставался верным той маниакальной подозрительности по отношению к своим, которая в итоге обернулась потерей бдительности по отношению к врагу... Главная его вина перед страной в том, что он создал *гибельную атмосферу,* когда десятки вполне компетентных людей, располагавших неопровержимыми документальными данными, не располагали возможностью доказать главе государства масштаб опасности и не располагали правами для того, чтобы принять достаточные меры к ее предотвращению» [1].

---

[1] *Симонов К.* Уроки истории и долг писателя. Заметки литератора.— Наука и жизнь, 1987, № 6, с. 45—46 (курсив наш.— *Е. П.*).

К. Симонов относит создание этой атмосферы к 1937—1938 годам — временам, которые народ заклеймил как «ежовщину». Но мы думаем, что «гибельная атмосфера», когда никому и ни в чем не было дозволено перечить Сталину, была создана гораздо раньше. В этом нас убеждает хотя бы анализ такого крупного события в жизни партии, как созыв и проведение XVII съезда ВКП (б) (1934 г.).

Избранные на него делегаты были участниками великой стройки, развертывавшейся на просторах страны, и они откровенно говорили не только о крупнейших достижениях партии и народа, но и о больных вопросах социалистического строительства — об отставании черной металлургии и транспорта, о низком качестве продукции, об отставании животноводства, нуждах Наркомпроса, слабости оргработы и о десятках иных наболевших вещей. Но все это подавалось как частные недостатки партийных органов на местах, ни один голос, ни один делегат не коснулся принципиальных недостатков в высшем партийном руководстве, а они были, и немалые.

Дело в том, что принятый еще XV съездом, выработанный в огне страстных споров первый пятилетний план, план относительно сбалансированный, всесторонне взвешенный, продуманный, был скомкан, отброшен, сметен на переломе конца 20 — начала 30-х годов настоящей горячкой.

По первоначальным наметкам первого пятилетнего плана выплавку чугуна предполагалось поднять до 10 млн тонн. В январе 1930 года эта цифра была волюнтаристски увеличена до 17 млн тонн. На XVI съезде ВКП(б) (июнь 1930 г.) Сталин назвал цифру 15—17 млн тонн чугуна, теперь требовалось произвести 170 тыс. тракторов вместо запланированных ранее 55 тыс., вдвое больше цветных металлов, автомобилей, сельскохозяйственных машин и т. п.[1]

[1] См.: *Сталин И. В.* Соч., т. 12, с. 331, 345—346.

Необоснованными были решения XVII конференции ВКП(б) (январь — февраль 1932 г.), которая приняла директивы к составлению второй пятилетки,— предполагалось одним махом по ряду ведущих отраслей достичь уровня развития Соединенных Штатов. Производство электроэнергии надо было довести до 100 млрд кВт·ч, угля — 250 млн тонн, чугуна — 22 млн тонн, нефти — 80—90 млн тонн, производство зерна поднять до 130 млн тонн. Одним словом, планировался настоящий сталинский «великий скачок», наподобие происшедшего впоследствии маоцзэдуновского «великого скачка» в Китае, и он, естественно, кончился резким сбоем производства. Уже на XVII съезде (доклад В. М. Молотова) показатели плана второй пятилетки пришлось резко сокращать. Уроки этого тяжкого «великого скачка»[1] и должны были бы — по существу дела — обсуждать делегаты XVII съезда. Вместо этого они в один голос курили Сталину фимиам. Неуемная хвала раздавалась по адресу «великого вождя», который действительно руководил великой стройкой, но руководил отнюдь не лучшим образом. Делегаты съезда прямо-таки соревновались один с другим: с восхвалениями Сталина выступали и делегаты из «глубинки», и самые ответственные деятели партии, представители ленинской «старой партийной гвардии».

[1] Подлинное выявление результатов началось пятьдесят с лишним лет спустя. См. статью О. Лациса «Проблема темпов в социалистическом строительстве. К 60-летию XV съезда партии. Размышления экономиста» (Коммунист, 1987, № 18). «Повышение темпов экономического роста,— делает он вывод,— было в то время вопросом жизни и смерти для молодой социалистической страны. Но практика показала, что для реального повышения темпов не нужно и даже вредно «подхлестывать и подгонять страну». Жизнь показала надежность ленинской установки на планомерное, пропорциональное развитие, нашедшей свое отражение и в решениях XV партсъезда. Верность ленинских принципов подтверждалась успехами развития при их соблюдении, неудачами — при отступлении от них» (с. 90).

Удивительными и в какой-то мере показательными были на съезде выступления бывших оппозиционеров, тех, кто, по выражению С. М. Кирова, все время великого строительства «сидели в обозе», но кто через некоторое время еще «вольется в нашу победную коммунистическую армию». На съезд, судя по его спискам, эта «обозная рать» не избиралась, но ей тем не менее дали возможность сказать свое слово.

Это была, как мы вскоре увидим, промежуточная фаза борьбы, когда Троцкий был выслан из СССР, непримиримые троцкисты репрессированы, а прочие оппозиционеры признали свои ошибки. Теперь-то они и занялись на съезде самобичеванием и непомерным восхвалением гения Сталина. Бывшие непримиримые противники Сталина объявляли его работы «квинтэссенцией ленинизма в данную эпоху» (Г. Зиновьев), они называли «эпоху последнего восьмилетия — эпоху Сталина» равнозначной эпохе, «когда во главе нас стоял Ленин» (Л. Каменев), они предрекали и грядущие победы «под знаменем Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина» (Г. Пятаков) [1].

Но самое примечательное — это то, что именно оппозиционеры выразили в наиболее отчетливой форме нараставшее уже в первые годы культа личности убеждение в том, что Сталин абсолютно непогрешим в своих суждениях и поступках.

Е. А. Преображенский, человек, безусловно разбиравшийся в теории и практике социализма, прекрасно сознавал, что во времена коллективизации Сталин реализовал и идеи его, Преображенского, известной работы «Новая экономика», утверждавшей, что «путем эксплоатации крестьянства, путем сосредоточения ресурсов крестьянского хозяйства в руках государства можно по-

[1] См.: XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет, М., 1934, с. 253, 493, 520, 464.

строить социалистическую промышленность и развернуть индустриализацию». Однако он доказывал полную непричастность Сталина к этим идеям. В то время как его, Преображенского, работа была «грубой аналогией с эпохой первоначального капиталистического накопления», именно он, Сталин, на протяжении всего каких-нибудь трех-четырех лет осуществил «чудо революционно быстрого превращения миллионов мелкокрестьянских хозяйств в коллективные формы»[1]. Больше того, Преображенский потребовал заменить всякую теорию социалистического строительства простой верой в гениальность Сталина. «Я должен был бы поступить так, как поступали рабочие, когда еще был жив Ленин. Не все они разбирались в сложных теоретических вопросах и в теоретических спорах, где мы, «большие умники», выступали против Ленина. Бывало, видишь, что приятель голосует за Ленина в таком теоретическом вопросе, спрашиваешь: «Почему ты голосуешь за Ленина?» Он отвечает: «Голосуй всегда с Ильичем, не ошибешься» (Смех)... Тем более, товарищи, теперь, когда я во всем разбираюсь, все понимаю, все свои ошибки достаточно осознал, я повторяю себе только на другом этапе революции эти слова рабочего и говорю: голосуй с товарищем Сталиным — не ошибешься». А бывший оппозиционер В. В. Ломинадзе выразил сходную мысль еще проще: «У пролетарской партии может быть только одна линия... Эта линия не терпит никакого оттенка. Всякий оттенок является отклонением от этой линии, отклонением в сторону оппортунизма и ширмой для оппозиции»[2].

---

[1] Разумеется, сталинских «коллективных форм» — колхозов Преображенский не предвидел в своей книге, он предлагал брать прибавочный продукт с единоличника. Сталин же брал прибавочный продукт и добрую долю необходимого продукта именно через «коллективные формы». Сходство основного принципа (а не форм) было налицо.

[2] XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет, с. 118, 238—239.

Вера в непогрешимость Сталина укоренилась именно в борьбе с оппозицией, когда всякое отступление от его взглядов клеймилось как фракционность, оппозиционность, ренегатство, меньшевизм и т. п. Эта вера была укреплена пропагандистами рождающегося культа личности в ходе идеологических кампаний конца 20 — начала 30-х годов. 1937 год был, так сказать, и в плане организационном и в плане идеологическом прямым продолжением процессов, начавшихся в 20-е годы, в годы борьбы с оппозицией. К этой борьбе мы и перейдем. Точнее, мы перейдем к теме: различие ленинской и сталинской борьбы с оппозицией.

3. Ленинская и сталинская борьба с оппозицией

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

...Наше понимание истории есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства. Всю историю надо изучать заново...

Ф. ЭНГЕЛЬС

Ленинские принципы борьбы с оппозицией

Наши историко-партийные (да и исторические) пособия, подчеркивая большое значение борьбы против левого и правого уклонов в нашей партии, которая велась под руководством Сталина, вместе с тем обходят тот неоспоримый факт, что сталинская борьба с оппозицией по своим методам и целям принципиально отличалась от ленинской борьбы, что она-то некоторыми своими чертами и особенностями, по существу, и подготовила репрессии 30-х годов.

Начнем с ленинских традиций, с ленинских принципов подхода к оппозиции.

Обратим прежде всего внимание на закономерное совпадение ряда явлений в истории первого десятилетия Советской власти. При самых резких поворотах событий, в момен-

ты предельного напряжения революционных сил, когда от партии в целом и прежде всего от ее руководства требовалось абсолютное единство действий, когда такое единство становилось залогом сохранения Советской власти, партию потрясал либо резкий конфликт, либо кризис, широкие массы коммунистов оказывались зачастую втянутыми в общепартийные дискуссии, ожесточенную внутрипартийную борьбу. Период Октября — переломный пункт исторического развития страны — дает не только внутрипартийную, но и внепартийную отступническую деятельность Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева (выступление в полуменьшевистской газете «Новая жизнь»). Период Бреста — смертельной угрозы Советской власти со стороны германского империализма — приносит фракционную деятельность «левых» коммунистов во главе с Бухариным. Период перехода от «военного коммунизма» к нэпу — смертельной угрозы Советской власти со стороны мелкобуржуазной контрреволюции — выявляет бурную оппозиционную деятельность троцкистов, сторонников «демократического централизма», «рабочей оппозиции». В ожесточенной внутрипартийной борьбе партии пришлось вырабатывать и планы социалистического строительства. 20-е годы отмечены борьбой с троцкистской оппозицией, затем с Зиновьевым и Каменевым, затем с «объединенной оппозицией», затем с так называемыми правыми.

Объясняя эти эпизоды в жизни партии, надо уметь выявить причины классового порядка, ни в коем случае не сводя их к примитивному безосновательному «разоблачительству» (например: троцкизм — «агентура фашизма», правые — «агентура кулачества» и проч.). Давление непролетарских классовых сил на пролетариат — явление довольно сложное, здесь есть немало скрытых «передаточных звеньев», надо отличать — по-ленински отличать — субъективные (как правило, честные) намерения ошибающихся революционеров от объектив-

ного результата их действий, играющего подчас на руку классовым врагам. Здесь-то и выступает умение историков вскрыть гносеологические корни внутрипартийной борьбы.

Революционные эпохи в истории человечества нагляднее всего выявляют сложный, диалектический характер соотношения общественной теории с общественной практикой: революция, втягивая в политическую жизнь огромные массы, необыкновенно ускоряя ход событий, вместе с тем сразу же обнажает узость, неполноту, ограниченность прежних представлений, с которыми вожди и теоретики революций приступали к действиям, пытались руководить событиями и людьми. Именно поэтому времена великих социально-политических потрясений совпадают, как правило, с периодами модификации и ломки революционных идеалов.

В ходе революций буржуазных, по мере вторжения на арену политики широких масс неизбежная ломка идеала обычно принимала катастрофический характер, вела к быстрому спаду буржуазного радикализма. Мы знаем, что после событий 1789—1794 годов наступил глубочайший кризис французского Просвещения — впечатляющая картина этого кризиса нарисована в работах Энгельса[1].

Такое же разочарование постигло сторонников передовых освободительных теорий в середине XIX века. Описанная Лениным «духовная драма» Герцена была, как известно, лишь эпизодом трагедии, имевшей международный масштаб. Поражение европейских революций 1848—1849 годов было одновременно поражением «тех бесчисленных в эпоху 48-го года форм и разновидностей буржуазного и мелкобуржуазного социализма, которые были окончательно убиты,— как писал Ленин,— июньскими днями» в Париже[2].

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 267—268.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 256.

Такой исход событий в освободительных движениях прошлого понятен. Теоретические построения буржуазных и мелкобуржуазных революциоиеров, в силу своей социальной природы имевших примитивные, смутные представления о классовой структуре общества, экономических тенденциях его развития и т. д., не могли сколько-нибудь верно предугадать ход исторических событий, которые неизбежно выходили из-под контроля вождей революции. Ее объективные результаты оказывались нередко прямой противоположностью их субъективным идеалам. «Сила вещей,— говорил Сен-Жюст,— ведет нас, по-видимому, к результатам, которые не приходили нам в голову» [1].

Сказывалась и примитивность организационных форм в революциях 1789—1794 и 1848—1849 годов. Кризис революционного сознания вел обычно к предельному обострению разногласий между революционерами, обнаруживались резкие расхождения в понимании сути событий, целесообразности принятия тех или иных мер. За расхождениями теоретическими обычно следовал политический раскол, идейная борьба — возьмем хотя бы классическую модель якобинской диктатуры — заканчивалась уничтожением оппонентов. Трибуна Якобинского клуба или стены Комитета общественииого спасения были не столь уж удобным местом для выяснения оттенков мнений, сопоставления аргументов, безболезненного и гармоничного разрешения противоречий. Результат известен: ликвидация, вернее, самоликвидация якобинской диктатуры, термидорианский переворот. Аналогичный пример: раздоры, взаимное непонимание самых решительных вождей Парижа — Бланки и Барбеса в революции 1848 года.

В ходе революции социалистической подобная катастрофичность устранялась тем обстоятельством, что ре-

[1] *Saint-Just.* Discours et rapports, Paris, 1957, p. 145.

волюция отражала интересы широких масс, тем, что марксизм был теорией высшего типа, позволяющей схватывать в общих чертах классовые передвижки, а тем самым предвидеть ход и направление общественного процесса и в ходе революции. Но качественное отличие марксистской теории от донаучных теорий вовсе не отменяет диалектического характера движения мысли, возможностей коллизий, столкновений теории и практики, внутренних противоречий в руководящем центре революции, разрешавшихся отнюдь не безболезненно и просто.

Социалистическая революция оставалась движением по неизведанному пути, чрезвычайно сложному, извилистому, на котором то и дело появлялись непредвиденные препятствия, повороты, требовавшие столь же быстрых и резких поворотов в политике. Путь и конкретные формы этого движения не могли быть и не были известны заранее ни одному вождю. Определение правильного курса в этих постоянно меняющихся условиях было делом чрезвычайно сложным.

На особенно крутых поворотах, изломах пролетарской революции часть руководителей, не обладавших ленинским реализмом, ленинской способностью к быстрой перестройке и отказу от лозунга, пришедшего в столкновение с жизнью, оказывались не в состоянии сразу преодолеть инерцию движения, сойти с прежнего тактического направления, отказаться от прежних партийных установок, которые были верны для своего времени, но сохранение которых могло оказаться гибельным для революции в новой обстановке, в новой ситуации при резком изменении форм и условий классовой борьбы. Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев застыли в дни Октября, в сущности, на дооктябрьских лозунгах периода накопления сил, подвода масс к задачам пролетарской революции, они не осознали коренных, решающих сдвигов в расстановке классовых сил в стране. Н. И. Бухарин и его сторонники в период Бреста настаивали на прежнем ло-

зунге «мировой революции», не увидев изменения обстановки, делавшей этот лозунг просто гибельным для Советского государства; «левые», писал В. И. Ленин, «хотят стоять на старой *тактической* позиции, упорно не желая видеть, как *изменилась*, как создалась *новая объективная* позиция» [1]. Л. Д. Троцкий в период дискуссии о профсоюзах пытался абсолютизировать опыт применения жестких мер принуждения в профсоюзах в период гражданской войны, не сознавая пагубности подобных методов для судеб Советского государства. В. И. Ленин указывал, что тезисы Троцкого «оказались поддерживающими не лучшее, а худшее в военном опыте» [2].

Вполне закономерно, что именно в такие переломные моменты в партии завязывалась ожесточенная идейная борьба, и Ленину, партии приходилось затрачивать колоссальную энергию, массу сил для преодоления прямолинейности мышления, инерции лозунгов и действий тех или иных руководящих работников и главным образом для переубеждения идущих за ними иногда довольно широких партийных масс. Но Ленин видел неизбежность расхождений, искал на каждом этапе адекватные формы их ликвидации. Он прекрасно понимал, что внутрипартийная борьба имеет объективную основу, что она связана с тем, что новая ситуация ставит обычно «целый ряд таких задач и трудностей, для преодоления которых ни опыта, ни подготовки, ни нужного материала...» [3] нет. При этом крайне важно понять, *что* именно В. И. Ленин ставил оппозиционерам в вину. Виновны были Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев не в том, что разошлись с Лениным, другими членами ЦК во взглядах на целесообразность немедленного вооруженного восстания, а в том, что стали применять внепартийные способы решения разногласий. Виновны были Н. И. Бухарин и «левые» не

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 254.
[2] Там же, т. 42, с. 221.
[3] Там же, т. 43, с. 12.

в том, что разошлись во взглядах с В. И. Лениным или другими членами ЦК по вопросу о мире и войне, а в том, что стали применять внутри партии непартийные, внеуставные способы разрешения разногласий, тем самым крайне осложнив выход партии из кризиса. Виновны были Л. Д. Троцкий и его сторонники ие в том, что разошлись с В. И. Лениным и Я. Э. Рудзутаком во взглядах на профсоюзы, а в том, что стали применять внутри партии непартийные, внеуставные способы разрешения разногласий, тем самым крайне обострив обстановку в партии.

Подчеркнем, что ни один из членов ЦК не был застрахован от ошибок, что преодоление их, выработка единого решения достигались не сразу. Сами по себе расхождения были совершенно естественны для живой партии, руководящей революционным процессом,— ведь в ее рядах были люди с разным уровнем теоретической подготовки, разными способностями, с разным объемом практики, наконец занимавшие различное положение в звеньях советской и партийной структуры. В той мере, в какой сознание отстает от бытия, та или иная часть членов партии или часть члеиов ЦК порой застывала в условиях быстрой смены ситуации на старых позициях, повторяла старые лозунги, правильные в одной ситуации и негодные в другой. Такие расхождения были неизбежны, вполне закономерны и преодолевались партией как коллегиальным органом, построенным на началах демократического централизма.

С другой стороны, наличие организации высшего типа — большевистской партии, воплощавшей лучшие традиции западной и русской социал-демократии, еще не создавало возможности автоматического разрешения всех споров и разногласий. Ни в коем случае нельзя сбросить со счетов нечеловечески трудных условий гражданской войны, в которых приходилось творить новое общество народным массам. В истории Октябрьской

революции были такие дни, недели, месяцы, когда, казалось, на волоске висела судьба Советской власти, когда требовалось предельное напряжение всех сил, когда не оставалось времени для разработки теории, спокойного обсуждения, дискутирования.

Обсуждения позволяли нащупывать правильный курс, но они отнимали драгоценное время, в то время как острота ситуации не позволяла долго спорить и рассуждать. Хуже того, широкие дискуссии могли помешать быстрому исполнению решения. Сказывались в ходе дискуссии порой и индивидуальные особенности тех членов ЦК, которые нередко вносили в них элементы схоластики, раскола, личных симпатий и антипатий. Сказывались, например, растерянность, пессимизм, запуганность, бегство от действительности у Зиновьева и Каменева, слабость теоретической базы у Бухарина, отсутствие большевистской школы у Троцкого и т. д. и т. п. Могло проявляться и то, что Ленин называл логикой фракционной борьбы, когда спорщики закусывали удила и продолжали стоять на своем, обострять разногласия после того, как вопрос уже полностью прояснялся и, более того, когда все позитивные предложения той или иной оппозиционной группы уже оказывались учтенными в практических предложениях ЦК. «Поэтому,— предостерегал Ленин,— когда вы слышите такую критику, критику без содержания, критику ради критики, будьте настороже, поищите, может быть, у критикующего товарища уязвлено чем-нибудь самолюбие, может быть, он чем-нибудь лично задет или раздражен, что и толкает его на оппозицию необоснованную, на оппозицию ради оппозиции» [1].

Пример с Брестом или общепартийная дискуссия о профсоюзах показывают, каким сложным путем ЦК порой приходил к правильному решению, какой долгой

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 50.

была дискуссия, перераставшая иногда рамки ЦК и охватывавшая всю партию. И здесь все зависело от характера полемики, умения убеждать людей, того умения, которым обладал Ленин, руководивший в самую трудную пору Центральным Комитетом. Он умел, как никто другой, находить наиболее точный вариант решения вопроса, не позволял личным моментам разрастаться до масштабов внутрипартийной угрозы.

Именно на заседаниях ЦК выполнялась громадная часть теоретической работы, шла кристаллизация разных точек зрения и определялся правильный курс. Он определялся посредством свободного обсуждения главнейших проблем между членами ЦК. Тот факт, что членов руководящего органа партии объединяла общая позиция социализма, естественно, не мешал им иметь достаточно разные подходы к решению тех или иных практических задач, а порой и принципиальных вопросов.

Возможность более или менее безболезненного разрешения споров обеспечивали организационные принципы, более высокие по сравнению с принципами якобинизма. Правильный курс в условиях сложнейшей революционной ситуации определял Центральный Комитет, причем свободно обсуждались любые конкретные и принципиальные политические вопросы.

В большинстве случаев расхождения завершались выработкой согласованного конструктивного решения. Но бывали случаи — на особенно крутых поворотах истории,— когда удержаться на грани не удавалось, когда деловые расхождения грозили перерасти во фракционный раскол, именно тогда Ленин прибегал к высшему партийному арбитражу.

В условиях расхождений в самом Центральном Комитете высшим арбитром становился съезд. Многие съезды собирались в чрезвычайно трудных условиях военного времени, вопросы, которые разбирались на них,

приходилось порой комкать, свертывать, полемика иногда обрывалась из-за нехватки времени и сил. Но даже в этих условиях съезду удавалось выбрать из разных точек зрения принципиальную, уточнить все оттенки мнений, детали тех или иных решений, наконец, съезд был огромной воспитательной школой. Мало было принять правильное решение, надо было еще, чтобы руководство партии, партийный актив прониклись убеждением в его правильности, могли осуществлять его в низовых партийных организациях. И в этом смысле школа ленинских съездов сыграла бесценную роль. Ленинские съезды проходили в открытой, свободной полемике, товарищеском, иногда резком обсуждении острых проблем, столкновении разных точек зрения, они разительно отличались от некоторых сталинских «парадных» съездов, во многом занятых славословием, перечнями достижений и показной демонстрацией «монолитного единства» рядов руководства.

Шаг вперед, два шага назад

Смысл и суть внутрипартийной борьбы при Ленине ясны, ясен и смысл ленинского подхода к оппозиции. Требуя в кризисные для Советской власти дни безусловного запрещения фракций, Ленин в предложенной им резолюции «О единстве партии» (она была принята X съездом) предусматривал развертывание в рядах партии разумной критики, критики для пользы дела. Он предлагал издавать регулярнее «Дискуссионный листок» и особые теоретические сборники. Его подход к оппозиции был конструктивным и товарищеским. «Вы утверждаете, что мы мало боремся с бюрократизмом,— говорил он членам «рабочей оппозиции»,— идите помогать нам, идите ближе, помогайте бороться, но если вы предлагаете «всероссийский съезд производителей», это — не мар-

ксистская, не коммунистическая точка зрения»[1]. Сбившихся с правильного пути Ленин умел своевременно поправлять, он был категорически против того, чтобы под флагом борьбы за единство запрещать обсуждение вопросов, дискутирование. «Мы должны сказать себе: чтобы единство было прочным, нужно, чтобы был осужден определенный уклон. Раз он наметился, нужно его выявить и обсудить,— говорил Ленин на X съезде РКП(б).— Но, если нужна обстоятельная дискуссия,— милости просим, у нас найдутся люди, которые приведут детально всю литературу, и, если нужно и уместно, мы поставим этот вопрос и в интернациональном масштабе...» Поэтому, разъяснял Ленин, покончить с уклоном «в таком смысле — не дискутируй больше и конец — было бы неправильным. Но одно дело теоретическая дискуссия, другое дело — политическая линия партии, политическая борьба»[2].

Разумеется, все грани в идейной и политической борьбе относительны и подвижны. Из небольшой ошибки, при настаивании на ней, могла вырасти оппозиция. Теоретическая дискуссия могла не ограничиться теорией, а перерасти в политическую борьбу, политическая борьба в кризисных для Советской власти условиях могла стать для этой власти смертельной опасностью. Но подвижность и относительность граней не служила для Ленина поводом сужать внутрипартийную демократию, на такое сужение он шел лишь в исключительных случаях, как на *ограниченную, временную* меру.

Никакой ясности пока нет в отношении внутрипартийной борьбы, борьбы с оппозицией в сталинские времена. *Первый тур* борьбы с оппозицией в 20-е годы подавался в нашей историко-партийной литературе вплоть до самого последнего времени как этап борьбы с *вра-*

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 55.
[2] Там же, с. 101—102.

гами социалистического строительства в нашей стране. Затушевывались два основополагающих факта. Во-первых, борьба отражала личное соперничество Сталина и Троцкого, Сталина и Зиновьева и Каменева, была, одним словом, борьбой *за власть*. Во-вторых, борьба отражала разное понимание руководителями партии проблем социалистического строительства в стране (вопросы партийного строительства, темпы социалистического строительства, принципы планирования, отношение к нэпу, политика партии в деревне, внутренние и международные перспективы строительства социализма в нашей страие). В выступлеииях оппозициоиеров было много демагогического, наносиого, личного, но ими ставились и теоретические проблемы (например, попытка Е. А. Преображеиского обосновать «закои первоначального социалистического накопления»), вскрывались оппозиционерами порой и реальные недостатки, опасности, стоящие перед партией (так, на опасность сталинского «вождизма» указал еще Каменев на XIV съезде[1]). С другой стороны, много наносиого, предвзятого было и в выступлениях Сталина и его сторонников, боровшихся с оппозицией за линию партии, они нередко уходили от сути проблем, развязывали цитатную войну, выуживая из работ оппозиционеров «крамольные» высказывания[2].

[1] Камеиев обращал вниманиие, что Секретариат, руководимый Сталиным, подмял Политбюро и стал фактически предрешать политику, он прямо заявил, что Сталии ие является той фигурой, которая может объедииить вокруг себя большевистский штаб, что ои *«не может выполнить роли объединителя большевистского штаба»*. Свое выступление, прерываемое шумом зала, здравицами в честь Сталина и криками «ура», Каменев закончил словами: «Мы против теории едииоличия, мы против того, чтобы создавать вождя!..»

(Голос с места. А кого вы предлагаете?) См.: XIV съезд ВКП(б) 18—31 декабря 1925 г. Стеиографический отчет. 3-е изданне. М.-Л., 1926, с. 274—275.

[2] Характерио, что издаиные в 20-е годы пособия для партийцев, дающие представлеиие о всех этих разиогласиях («Дискуссия 1923 года», «Дискуссия 1925 года», «Новая оппозиция», «Партия и

Полностью искажался в той же историко-партийной литературе смысл *второго тура* борьбы с оппозицией, последовавшего вслед за зловещим убийством Кирова 1 декабря 1934 года.

Само это убийство было, как известно, списано в свое время Сталиным на счет бывших оппозиционеров. Вслед за истреблением зиновьевцев в Ленинграде последовали известные публичные процессы над всеми прежними лидерами оппозиции, начиная от Зиновьева и Каменева («объединенный троцкистско-зиновьевский террористический центр»), включая Пятакова, Радека, Сокольникова (запасной «троцкистский террористический центр»), кончая Бухариным, Рыковым и другими (антисоветский «право-троцкистский блок»). Деятельность всех бывших вождей оппозиции увязывалась с новой фазой деятельности высланного из СССР Троцкого, который, если верить процессам, перешел к подготовке убийства советских руководителей, к вредительству и т. п.

Эти события освещались в наших историко-партийных пособиях следующим образом. О фальсифицированных процессах они просто молчали. Зато убийство Кирова рассматривалось вполне однозначно — как свидетельство необходимости введения чрезвычайного положения в стране.

В «Истории КПСС» (1985 г.) говорится: «...убийство С. М. Кирова настораживало партию и советский народ. Оно еще раз напоминало о важности повышения революционной бдительности»[1]. Авторы неоригинальны. Они воспроизводят версию многотомной «Истории КПСС» (1971 г.): «1 декабря 1934 года в Ленинграде был убит секретарь ЦК ВКП(б), секретарь Ленинградского обкома партии С. М. Киров, пользовавшийся в стране огром-

---

оппозиция накануне XV съезда» и др.), не только не переиздавались с тех пор, но и были изъяты из открытых библиотечных фондов.

[1] История КПСС. М., 1985, с. 412.

ным авторитетом и любовью... ВКП(б) призывала весь советский народ, коммунистов неуклонно повышать революционную бдительность»[1].

Но неоригинальны, в свою очередь, и авторы многотомной «Истории КПСС». Ведь они попросту переписали (с некоторыми коррективами) сталинскую версию убийства Кирова из «Краткого курса»: «Основной урок, который должны были извлечь парторганизации из прошедших судебных процессов по делу о злодейском убийстве С. М. Кирова, состоял в том, чтобы ликвидировать свою собственную политическую слепоту, ликвидировать свою политическую беспечность и повысить свою бдительность, бдительность всех членов партии»[2].

И авторы «Истории КПСС» (1985 г.), и авторы многотомной «Истории КПСС» (1971 г.) отбрасывают историческую науку назад, от уровня, достигнутого в начале 60-х годов. Так, в той же «Истории КПСС» (издание 1963 г.) те же обстоятельства событий 1 декабря 1934 года объяснялись совершенно иным образом, более достоверно. Здесь говорилось: «1 декабря 1934 года в Ленинграде, в Смольном, выстрелом из револьвера был злодейски убит один из виднейших деятелей Коммунистической партии и Советского государства, член Политбюро и секретарь ЦК, секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) С. М. Киров. Его смерть явилась тяжелой утратой для партии и народа... Это было заранее продуманное преступление, обстоятельства которого, как сообщил Н. С. Хрущев на XXII съезде КПСС, следует еще выяснить*. Убийство Кирова тяжело отразилось на жизни

---

[1] История КПСС. В 6 т. М., 1971, т. 4, кн. 2, с. 282.

[2] История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938, с. 312.

* Известно лишь, что убийцу Кирова, причем вооруженного, чекисты дважды арестовывали возле Смольного и дважды по чьим-то указаниям отпускали: в момент покушения начальник охраны Кирова почему-то отстал от него на большое расстояние; самого начальника охраны убили в инсценированной автомобильной катастрофе,

партии и государства. Оно было совершено в обстановке культа личности. Сталин использовал убийство как повод для организации расправы со всеми неугодными ему людьми. Последовали многочисленные аресты. Было положено начало массовым репрессиям и грубейшим нарушениям социалистической законности» [1].

Кстати, в «Истории КПСС» (издания 1963 г.) подробно и правдиво рассказано о февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года. Была показана связь сталинского тезиса об обострении классовой борьбы по мере упрочения социализма с организацией механизма массовых репрессий (переход НКВД под личный контроль Сталина, назначение им Ежова, затем Берии на пост главы НКВД); было прямо сказано о незаконном применении репрессий сначала «против бывших идейных противников, которые были представлены как агенты империализма, иностранных разведок», затем и против коммунистов и беспартийных, не имевших к оппозиции никакого отношения; сообщалось о самоубийстве партийных руководителей, которые не хотели нести ответственность за преступления Сталина (Г. К. Орджоникидзе), о тех, кто был репрессирован за попытки протестовать против них (П. П. Постышев, Г. Н. Каминский) [2]. Все эти сведения и данные просто-напросто исчезли из последующих изданий «Истории КПСС».

После XX съезда КПСС была проделана большая работа по устранению последствий культа личности. И тем не менее факты свидетельствуют: эта работа в нашей исторической и особенно в историко-партийной науке велась непоследовательно, она сопровождалась и систематическими откатами назад — к оценкам «Краткого кур-

---

когда везли на допрос к Сталину, Молотову, Ворошилову; затем расстреляли тех, кто осуществил это убийство. См.: XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1962, т. 2, с. 583—584.

[1] История КПСС. М., 1963, с. 486.

[2] См. там же, с. 505.

са». Это заставляет нас обратиться к этому пособию, прежде всего к его методологии в анализе поступков и действий оппозиционеров, выяснить воздействие этой методологии на наши исторические труды. Ленин, как мы уже знаем, не ставил шатания революционеров «им в вину лично», другими словами, он объяснял их причинами гносеологического и социально-психологического порядка, считал отражением настроений тех или иных социальных слоев. Полной противоположностью был сталинский подход. Его суть можно обозначить в двух-трех словах: концепция «злого умысла».

Концепция «злого умысла»

Известно, каким событием в жизни нашей партии и страны был выход в 30-е годы сталинского «Краткого курса». В нем была изложена в ряде пунктов просто ложная концепция победы Октября и строительства социализма в СССР, подчиненная задаче возвеличить Сталина и оклеветать его врагов — оппозиционеров, изображенных в виде «подонков человеческого рода», «белогвардейских козявок», «лакеев фашизма», убийц Кирова и т. п. Но это было действительно краткое, цельное, ясное, выходящее к важнейшим теоретическим вопросам пособие. По «Краткому курсу» знакомились с азами марксизма миллионы и миллионы людей, пишущий эти строки принадлежит к их числу.

О современных историко-партийных пособиях — возьмем для примера все тот же стабильный учебник 1985 года — можно сказать: они лишены достоинств «Краткого курса», но несут на себе неизгладимую печать его концепции по существу. В чем здесь суть?

Мы уже говорили: о расправе Сталина с бывшими соратниками Ленина «История КПСС» (1985 г.) попросту

молчит. В остальном же на ее страницах безраздельно господствует концепция «злого умысла» оппозиционеров, которых сначала разоблачал Ленин, а затем разоблачал Сталин. Эта концепция была вполне понятна в «Кратком курсе», она обосновывала сталинскую расправу над бывшими оппозиционерами, подводила под нее «теоретическую», так сказать, базу. Концепция «злого умысла» становится невероятным анахронизмом в наступившие новые времена. Мы уже не говорим о том, что она противоречит всему духу ленинского «Завещания», да и просто здравому смыслу. История партии принимает в результате какой-то мистический характер: получается, что ленинское ядро партии было сплошь набито деятелями, только и знавшими, что выступать против Ленина, ленинизма, партии и народа. Становится совершенно непонятным (и эти факты в учебнике обходятся), почему с этим мирились до смерти Ленина партия, сам Ленин, не только мирились, но и доверяли неисправимым «антиленинцам» ответственные посты в сложнейшие периоды жизни нашей страны: председателя РВС Республики, наркома по военным и морским делам — Троцкому, председателя Исполкома Коминтерна — Зиновьеву, председателя Совета Труда и Обороны — Каменеву и т. д. То, что эти деятели совершали крупнейшие ошибки (о них напоминал Ленин в «Завещании»), совершенно бесспорно. Но несомненно и то, что они имели серьезные заслуги перед партией и народом, а потому Ленин и партия сохраняли их в составе руководящих органов.

Всем очевиден факт: Ленин считал оппозицию, фракционность величайшей опасностью для партии в критические для ее истории моменты (Брест, политический кризис 1921 г.). Но принципиальная борьба Ленина с оппозицией не обескровливала партию и страну. Ленин умел — после горячей «пропарки» — впрягать бывших оппозиционеров, порой заблуждающихся, но честных руководителей РКП(б), честных коммунистов, в коллектив-

ную работу ЦК и партии, и за немногими исключениями это удавалось. Сталин же быстро внес в борьбу с оппозицией черты того «озлобления», которое, по выражению Ленина, «вообще играет в политике обычно самую худую роль»[1]. Начавшейся в 1923 году еще относительно умеренной полемике[2] он быстро придал оскорбительный, провоцирующий характер. Он не только не предотвратил идущего с обеих сторон наклеивания разных политических ярлыков-обвинений, но и сам сделал эти обвинения, такие, как «полуменьшевизм», «меньшевизм», «сухановщина», «антиленинизм», «троцкизм», «антиреволюционность», «агентура кулачества», «передовой отряд контрреволюционной буржуазии», главным орудием избиения оппозиционеров[3]. Дело усугублялось и откровенной грубостью Сталина в ее самом непосредственном, самом неприкрытом, вызывающем виде. Его речи пестрели такими «полемическими красотами»: «получилось сложение сил оскопленных», «Каменев не сумел выполнить ро-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 357.

[2] Вспоминая о начальной фазе борьбы Сталина с оппонентами, А. И. Микоян писал: «Оглядываясь в прошлое, думаю, что вопреки предупреждению Ленина одни из них не видели в Сталине серьезного соперника, другие — претендента на роль вождя бонапартистского типа. Поэтому и предпочли скорее сохранить его, чем выдвинуть кого-либо из более авторитетных, чем Сталин, руководителей партии, имевших престиж в качестве теоретиков и идеологов. Опасались, что такой лидер сможет более, чем Сталин, навязывать свою волю и нанести ущерб коллективному руководству. Сегодня это выглядит не просто странно, и даже невероятно, но именно так, по моему мнению, обстояло дело» (*Микоян А. И.* В первый раз без Ленина.— Огонек, 1987, № 50, с. 5).

[3] Единственным исключением из этого правила было, пожалуй, «мягкое» заявление Сталина, сделанное на XIII конференции РКП(б): «Я боюсь, что Троцкий, которого я, конечно, не думаю поставить на одну доску с меньшевиками, таким противопоставлением партийного аппарата партии дает толчок некоторым неискушенным элементам нашей партии встать на точку зрения анархо-меньшевистской расхлябанности и организационной распущенности». См.: *Сталин И. В.* Соч., т. 6, с. 16.

ли дворника при Троцком», «Троцкий приполз на брюхе к большевистской партии», «так могут поставить вопрос только институтки», «пусть Троцкий попробует высунуться и доказать это в печати», «Зиновьев разорялся здесь», «скатертью дорога к «дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду», «Троцкий, Зиновьев, Каменев блудят языком», «оппозиция все время каркала», «Бухарин «разорялся» здесь», «Бухарин, Рыков и Томский ничего, кроме своего пупа, не видят на свете» [1]. Сталин иногда даже бахвалился своей грубостью, отождествляя ее с принципиальностью в отношении тех, «которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию» [2]. Но мы не ошибемся, если скажем: сталинская грубость была грубостью именно того сорта, об абсолютной недопустимости которой для *генсека* писал в «Завещании» Ленин, это была «мелочь», которая действительно «получила решающее значение» [3].

Наклеивание ярлыков и грубость, напрочь исключавшие возможность товарищеской полемики в ЦК и Политбюро, в дальнейшем обернулись полным разрывом с бывшими соратниками по руководству партией, «полуменьшевизм», «антиленинизм», «антиреволюционность» легко переросли в «контрреволюционность». Выступая поначалу против методов физического отсечения оппозиционеров (сравни: «политика отсечения чревата большими опасностями для партии... метод отсечения, метод пускания крови — опасен, заразителен» [4]), Сталин затем забыл свои же предупреждения. В борьбе с оппозицией он постепенно стер принципиальную разницу между такими понятиями, как расхождение во взглядах (совершенно неизбежное среди руководителей при выработке

[1] *Сталин И. В.* Соч., т. 8, с. 356; т. 9, с. 41, 68; т. 10, с. 46, 175, 181, 198, 205, 266, 357, 361; т. 12, с. 19, 53 и др.
[2] Там же, т. 10. с. 175.
[3] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 346.
[4] *Сталин И. В.* Соч., т. 7, с. 380.

путей строительства социализма), оппозиционность, фракционность, фракции внутри комдвижения, антикоммунистическая фракция, предательство, измена родине, белогвардейщина, служба фашизму[1].

В атмосфере всеобщей подозрительности понятие «враг народа» было распространено не только на оппозиционеров, полностью сложивших свое оружие, но и на тысячи и тысячи партийных, советских, хозяйственных работников, работников науки и культуры, командный состав Красной Армии. Связь массовых репрессий с предшествовавшей им борьбой против оппозиции в 20-е годы подтверждена *документально* — и руководящими выступлениями самого Сталина (особенно на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 г.), и материалами фальсифицированных процессов 30-х годов, и потоком шедших в 1937 году указаний сверху о «максимальной бдительности», о массовой вредительской деятельности «японо-немецких троцкистских агентов», «троцкистско-зиновьевских японо-немецких агентов», «двурушников из рядов правых контрреволюционеров», которые не без успеха прикрывались «партийным билетом»[2], и, наконец,

[1] Вот характерный пример такой подмены. В 1932 г. Сталин признавал (письмо Олеховичу), что «троцкизм был фракцией меньшевизма до вступления троцкистов в нашу партию, он стал временно фракцией коммунизма после вступления троцкистов в нашу партию, он стал вновь фракцией меньшевизма после изгнания троцкистов из нашей партии». «Собака,— добавлял Сталин,— вернулась к своей блевотине» (см.: *Сталин И. В.* Соч., т. 13, с. 129). В «Кратком курсе» Троцкий, а также Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков и их «прихвостни» превратились уже в агентуру белогвардейской контрреволюции и фашизма внутри партии, действовавшую в ней в течение 20 лет «по заданиям иностранных буржуазных разведок», состоявшую в «заговоре против Ленина», ставившую сознательной целью «разрушение партии и Советского государства, подрыв обороны страны, облегчение иностранной военной интервенции, подготовку поражения Красной Армии, расчленение СССР» и т. д. и т. п. См.: История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938, с. 331—332.

[2] См., например, изданный после февральско-мартовского Пленума ЦК 1937 г. сборник партийных документов, передовых статей

«Кратким курсом», который и служил, так сказать, теоретическим обоснованием репрессий 30-х годов.

Сталинская концепция «злого умысла» оппозиционеров воспроизводилась у нас многими авторами до последнего времени[1]. Разумеется, оценка «Краткого курса», да и сталинских процессов 30-х годов были несколько модернизированы, несколько смягчены, но оппозиционеры по-прежнему обвинялись в антисоветской деятельности, в подрыве обороноспособности страны, в двурушничестве, в стремлении сознательно подорвать процесс строительства социализма в СССР. Разного рода текстологические доказательства можно найти на страницах «Истории КПСС» 1985 года[2].

Маркс в «Капитале» употребил как-то французскую поговорку «Le mort saisit le vif!» («Мертвый хватает живого!»)[3]. Эта поговорка как нельзя лучше характеризует сохранявшееся до недавнего времени положение дел на важнейшем участке нашего исторического фронта — участке историко-партийном. Это не было случайностью. Наша историко-партийная наука стала фактически «запретной зоной», зоной, находящейся вне всякой научной критики. Она оказалась той областью обществоведения, где десятилетиями, считая от письма Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1931 г.), была задавлена аналитическая мысль, приглушалось свободное обсуждение, разве что кроме обсуждения десятистепенных вопросов; той отраслью, которая некритически

газет «Правда», «Известия», статей из журнала «Большевик» «О перестройке партийно-политической работы. К итогам Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г.» (М., 1937, с. 51, 54, 56, 109 и др.).

[1] Эта концепция не была преодолена у нас в конце 50 — начале 60-х годов — время активной борьбы с последствиями культа личности. Критика культа личности и в это время, и позже не сопровождалась критикой сталинских методов борьбы с оппозицией.

[2] См.: История КПСС. М., 1985, с. 201, 335, 338, 348—349, 350—351 и др.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 9.

воспроизводила отжившие стереотипы (и делает это иногда и сейчас). Шли стереотипы от сталинских времен, от трактовок «Краткого курса». Утверждением этих стереотипов вынуждены были заниматься десятки тысяч преподавателей, они были призваны учить, вернее, забивать догмами умы миллионов людей. Это уже — поистине бедствие. А с бедствиями надо бороться с полной отдачей сил.

Живой должен избавиться от объятий мертвого, и он избавится от них. Порукой тому — обновительные процессы, которые развернулись в нашей стране после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС.

Ныне ЦК КПСС создал широкие возможности для развертывания историко-партийных исследований, для написания новых учебных пособий, объявлен и открытый конкурс на написание учебника. Теперь все историко-партийные вопросы сделаны предметом свободного, демократического обсуждения.

Был ли сталинский «термидор»?

В письме Кларе Цеткин от 26 июля 1918 года Ленин писал: «...вся буржуазия прилагает все усилия, чтобы нас свергнуть. Тем не менее, мы твердо верим, что избегнем этого «обычного» (как в 1794 и 1849 гг.) хода революции и победим буржуазию»[1]. После победы в гражданской войне (когда была сокрушена буржуазно-монархическая контрреволюция и интервенты) и введения нэпа (когда была обуздана еще более опасная мелкобуржуазная стихия) казалось, что предвидение Ленина осуществилось полностью и окончательно, прямой путь к социализму открыт. Но история — великая

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 128.

мастерица на всякого рода неожиданности. Уже через пару лет после введения нэпа тяжелобольной Ленин стал замечать новые нежелательные тенденции, новые угрозы развитию социалистической революции и пытался предупредить о них партию в своих последних письмах и статьях. Они предусматривали ряд мер, ограничивающих власть Сталина, меры против раскола партии, прежде всего ввиду личной несовместимости Сталина и Троцкого. Они вырабатывали условия предупреждения чрезмерной централизации, ставили ЦК партии в новые условия работы. Эти труды давали социологическое объяснение путей нашей революции, случившейся в сравнительно отсталой стране: мы начали «не с того конца», со взятия политической власти, а затем уже с ее помощью вынуждены были подтягивать отсталую страну к высотам мирового производства и культуры. Они ставили вопрос о негодности нашего государственного аппарата, вышедшего из времен гражданской войны,— он был фактически унаследован нами от старого режима, переделать его радикально мы не успели, этой цели служила организация ЦКК — РКИ. Они намечали пути перевода успокоенного нэпом, но отнюдь не приобщенного к социализму крестьянства на путь социалистического строительства — через его кооперирование. Статьи и письма Ленина выявляли невероятную культурную отсталость страны, элементарную неграмотность населения и намечали очередные и перспективные меры к их ликвидации — через путь культурной революции. Они ставили целью устраиить допущенные некоторыми руководящими деятелями ЦК ошибки в решении национального вопроса. Они лишний раз напоминали о том, что только индустриализация страны может обеспечить ее выживание в системе империалистических государств, они глубоко анализировали внешние условия российской революции.

Мы видели, с каким трудом, с какими отклонениями от ленинских планов шло осуществление в СССР в ста-

линские времена заветов Ленина. Наиболее больными в дальнейшем развитии социалистической революции оказались проблемы внутрипартийного развития. В штабе партии развернулась ожесточенная борьба Сталина с Троцким, затем и с другими руководящими партийными деятелями, в ходе которой оппоненты Сталина выдвинули тезис о «перерождении» Советской власти, сталинском «термидоре». Впоследствии тезис о случившемся при Сталине «термидоре» стал расхожим в буржуазной историографии, приступившей к сравнительному анализу английской, французской, Октябрьской революций.

Суть аргументов противников Сталина внутри РКП(б) была проста: он создает режим единоличной власти, опирающейся на «аппаратную» бюрократию, эта бюрократия начинает смыкаться с нэпманом. Суть аргументов буржуазной историографии мы воспроизведем по известной книге К. Бринтона «Анатомия революции», издававшейся в 1938, 1952, 1957, 1958 годах. Он утверждает, что каждая из великих революций — английская, французская, российская — с неизбежностью проходила ряд закономерно сменяющих друг друга фаз: господство либералов и умеренных, господство радикалов и «период горячки», затем фазу «выздоровления» — термидор; фиксирует Бринтон и возникновение чисто диктаторских форм власти во всех революциях — власти Кромвеля, Наполеона, Сталина (последняя консолидировалась окончательно в период его «культа») [1].

Эти аргументы в советской науке, по существу, разобраны не были — действовал запрет, наложенный на сопоставление «классического» французского и российского образцов, предостерегала и память о судьбе оппозиционеров, впервые заговоривших о сталинском «термидоре». К разбору доводов К. Бринтона рискнул приступить Ю. А. Красин в 1975 году в книге «Революцией устра-

[1] См.: *Brinton C.* The Anatomy of Revolution. N. Y., 1958.

шенные». По его мнению, доводы Бринтона просто нелепы, никакой фазы «выздоровления» СССР не проходил, Сталин, его культ здесь вообще ни при чем [1].

В принципе мы согласны с основным выводом Ю. А. Красина: СССР не проходил никакой фазы «термидора», здесь устанавливался не буржуазный, а социалистический строй. Но сопоставление процессов французской революции и Октябрьской революции, взятых в широких хронологических рамках, наводит любого объективного историка на мысль: России не удалось полностью избежать в своем развитии признаков французского «классического образца» — и здесь появился режим личной власти, наблюдался рост бюрократии, непомерное вмешательство государства во все области общественной жизни, культ личности человека, стоявшего на вершине власти, применение последним доведенных до крайности террористических, якобинских методов борьбы. Что означали эти черты и явления и почему, несмотря на их возникновение, «термидор» в СССР не произошел, социалистическая революция не кончилась поражением, как было с революциями 1789—1794 и 1848—1849 годов?

При анализе этой проблемы мы будем исходить из ряда методологических указаний Ленина и Маркса. Нам, безусловно, поможет замечательная ленинская мысль 1921 года: «Нет неподвижной грани между буржуазной и пролетарской революцией...» [2], схожие процессы могут развертываться и в той и в другой, все решает борьба классовых сил. Характерно при этом, что в том же 1921 году, когда перед пролетарской революцией выросла угроза мелкобуржуазной крестьянской контрреволюции, Ленин записал (в плане доклада о продовольственном налоге):

---

[1] См.: *Красин Ю. А.* Революцией устрашенные. Критический очерк буржуазных концепций революции. М., 1975, с. 278—279.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 463.

«Термидор»? Трезво, *может быть*, да? Будет? Увидим. Не хвались, едучи на рать...»[1]

В 1922 году в «Письме к съезду» он сказал, что падение Советской власти (то есть тот же «термидор») возможно не только при нарушении соглашения между пролетариатом и крестьянством, но и при условии раскола, радикальных разногласий в нашей партии, появления в ней серьезнейших противоречий и сбоев.

Далее, мы используем замечательное методологическое положение Маркса, высказанное им в период борьбы с социалистическими и полусоциалистическими сектами в рамках I Интернационала: «Впрочем, в истории Интернационала повторилось то же самое, что всегда обнаруживается в истории. Устаревшее стремится восстановиться и упрочиться в рамках вновь возникших форм»[2].

Мелкобуржуазное сектантство, внутрипартийные раздоры погубили I Интернационал, но кто мог поручиться, что аналогичные процессы не могли произойти в отсталой мелкобуржуазной России?

Далее, при анализе поставленной проблемы нам поможет замечательное методологическое положение Маркса о том, что поразительно схожие процессы, происходящие в разной исторической среде, приводят к принципиально различным результатам. Сопоставление, сделанное им на примере разлагающегося Древнего Рима и буржуазной Новой Англии, «работает» и в отношении сходства французского и российского «образцов». «...События поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке,— писал Маркс,— привели к совершенно разным результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 403.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 33, с. 279.

никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой в виде какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надысторичности» [1].

Отказавшись от «надысторических» аналогий и изучая «каждую из этих эволюций в отдельности» (например, бонапартизм Наполеона I и бонапартистские притязания, культ личности Сталина), а затем сопоставляя их, мы должны будем признать следующие факты:

в СССР не было никакого «термидора». Термидор означает, если пользоваться научными определениями, уничтожение авангарда революции, сдерживавшего буржуазные поползновения (как это делал режим Робеспьера), означает разгул буржуазной стихии — под покровом деспотической единоличной власти. Немалая часть революционного авангарда была действительно уничтожена во времена сталинских репрессий. Но происходило это отнюдь не на фоне укрепления буржуазных отношений в экономике страны, напротив, последние ликвидировались и были ликвидированы до конца;

что касается эволюции политической надстройки, то в режиме Сталина действительно были определенные бонапартистские черты (установление единоличной власти, славословие вождя, мелочная опека государства над обществом, создание новой опоры в лице бюрократии). Но бонапартизм есть, в сущности, власть, возникающая в условиях равновесия антагонистических классов: буржуазии и пролетариата, власть, хотя и становящаяся над классами, тем не менее выражающая в последнем счете интересы буржуазного развития в стране. Однако буржуазия была вообще уничтожена в СССР, под руководством Сталина закладывались основы социализма в стране (хотя и в деформированной форме). Сталин, не надо этого забывать, был скован и новыми институтами,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 121.

созданными пролетарской революцией и пролетарской идеологией. Он подмял эти институты, резко ограничил их компетенцию и сферу деятельности, но эти институты все же продолжали существовать;

Сталин примитивизировал, извратил марксистскую теорию. Но эта теория оставалась руководящей для партии и государства, «отменить» эту теорию Сталин не мог. И хотя он уничтожил физически многих представителей «старой партийной гвардии» и многих партийных выдвиженцев, уничтожить в партии всех людей, которые стремились восстановить ленинские традиции, он не смог. И то, что после смерти Сталина Н. С. Хрущев и его сторонники в ЦК КПСС нашли в себе силы начать, возглавить борьбу против негативных явлений прошлого — лишнее подтверждение тому, что в СССР не случилось никакого «термидорианского» переворота, никакого укоренения «бонапартизма», хотя — не будем скрывать — отдельные проявления культа личности стали наблюдаться и в деятельности Хрущева, и в деятельности Брежнева. Правда, их возвеличивание услужливыми подхалимами, в сущности, уже не находило никакого отклика в массах, старый ритуал был безвозвратно похоронен, и то, что было в сталинские времена величайшей трагедией, смахивало теперь на фарс.

Окончательным доказательством коренного отличия пролетарской революции от буржуазных является перестройка, начатая партией в апреле 1985 года.

Лозунг наших дней «Больше социализма!» означает, в сущности, одно: мы должны сломать созданный в исключительной обстановке и для специальных целей бюрократический административный аппарат, развивать институты самоуправления, которые были задавлены в сталинские (и не только сталинские) времена, одним словом, соединить целеустремленный социалистический централизм с полнокровной, а не формальной социалистической демократией. И одновременно с политическим

реформированием в советском обществе проводятся глубинные экономические реформы, призванные придать производственным отношениям социализма качественно новый характер.

Об эпохе переворота не судят по ее сознанию

Попробуем теперь подвести общий итог «революции сверху», произведшей в 20—30-е годы глубокие изменения и во всей экономической основе советского общества, и в его надстройке. При этом нам поможет замечательное «ключевое» положение К. Маркса из его Предисловия к работе «К критике политической экономии»: «При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что́ сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию» [1].

Нам могут, пожалуй, возразить: Маркс имел в виду перевороты, характерные для «предыстории человеческого общества», но не для переворота социалистического — здесь нет иллюзорных, идеологических форм, таких, какие были, например, присущи буржуазным переворотам, буржуазным революциям, происходившим либо в религиозной оболочке, либо под знаком абстрактно-демократических лозунгов (например, «свобода, равенство, братство»). Но мы позволим себе не согласиться с этим возражением.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 7.

Марксизм, наука об обществе, действительно дает возможность привести сознание общества, совершающего социалистическую революцию, социалистический переворот, в определенное соответствие с процессами, происходящими в базисе общества.

Но, во-первых, абсолютное соответствие общественного сознания общественному бытию, согласно философии Маркса, вообще никогда не достижимо, общественное сознание всегда будет у́же общественного бытия, никогда не будет отражать, «схватывать» его во всеобъемлющей полноте.

Во-вторых, и социалистическое общественное бытие и социалистическое общественное сознание формируются далеко не сразу, как раз в процессе их формирования возможен и повтор (в своеобразной форме) процессов, присущих «предыстории человеческого общества».

В-третьих, реализуется указанная нами возможность приведения общественного сознания в определенное соответствие с общественным бытием далеко не всегда и не полностью. Если в социалистическом обществе наблюдаются деформации, разрыв слова и дела, несоответствие лозунгов и реальных дел, иллюзорные, идеологические формы сознания возникают с необходимостью, и они не только не проясняют сущности происходящих в обществе процессов, но и маскируют ее.

Социальные и экономические процессы в 30-е годы совершались под лозунгами: преодоления отсталости страны; возможности построения полного социализма в одной, отдельно взятой стране; завершения этого построения и перехода к коммунизму. Эти лозунги подняли миллионы советских людей, включившихся в грандиозное строительство нового общества. Но ни они, ни руководство страны не представляли реальной длины и сложности пути, который предстояло пройти.

Люди знали главное: в стране уничтожена частная собственность на средства производства, существует

пролетарская власть, ликвидируются эксплуататорские классы, идет строительство социалистической культуры. В этих фактах сознания отражалась объективная тенденция развития общества к социализму.

Но в общественном сознании той эпохи были и иллюзорные моменты. Например, движение к социализму ассоциировалось с постоянным обострением классовой борьбы, предельной централизацией власти, жесткой системой администрирования. Наконец, возникло то, что впоследствии получило наименование культа личности: обожествление вождя, приписывание ему основных заслуг в строительстве социализма.

Все происходившие в советском обществе того периода процессы и в массовом сознании, и на уровне идеологии воспринимались как целиком адекватные природе социализма, а то, что некоторые из них на самом деле вели к деформациям, отступлению от ленинских принципов построения социализма, не осознавалось. К такому осознанию мы приходим только в наши дни.

Так, согласно представлениям, берущим свое начало с 30-х годов, долго и безраздельно господствовало мнение: выполнение второго пятилетнего плана и принятие новой Конституции СССР отражали факт «всемирно-исторической победы социализма в СССР».

Ныне среди историков возникло серьезное сомнение, действительно ли социализм был построен в основном в СССР к 1936—1937 годам? Например, историки начали горячо спорить о том, какими годами — серединой ли 30-х годов, 1941-м или 1956 годом датировать конец переходного периода, конец «долгих мук рождения социализма» [1]. Некоторые публицисты и ученые пошли гораздо дальше — они стали утверждать, что в эпоху Сталина был построен, собственно говоря, «государственный со-

[1] См.: Основные этапы развития советского общества.— «Круглый стол» журнала «Коммунист», 1987, № 12.

циализм», «казармеиный коммуиизм». О таком качественио ииом, чем ныиешний, типе социализма писал Ю. Буртии в статье «Вам, из другого поколеиья...»[1]. Развериутые характеристики «казарменного коммунизма» с его гипертрофией государствсииого начала во всей общественной жизни страиы попытался дать В. Киселев в статье «Возвращаясь к ленииским принципам»[2]. О сталииской идее «государствениого социализма» писал Ф. М. Бурлацкий в статье «Какой социализм народу иужеи»[3].

Накоиец, не так давио была подвергнута сомнению еще одиа догма, берущая начало в 30-х годах и дошедшая едва ли не до наших дней. Суть ее в том, что якобы уже первые две пятилетки имели поистине уииверсальиое зиачение, обеспечили всемирно-исторический перелом, что была проложена столбовая дорога к социализму для всех народов мира. Как писал, например, А. Бовии в статье «Перестройка и судьбы социализма», нами «не было создаио общество, которое по всем признакам могло бы стать примером, образцом для подражаиия, стимулом в борьбе за социалистическое преобразование мира»[4].

Попытаемся разобраться в этом вопросе, опираясь на методологию Маркса.

То, что в СССР с Октября 1917 года стали закладываться *социалистические* отиошения и цеиности, для нас ие представляет сомиения. Повторяем, главиое — это то, что в 30-е годы был ликвидироваи полиостью частный сектор в экономике страны. В социалистическом направлеиии измеиялся классовый состав населеиия (исчезли остатки эксплуататорских классов). Измеиился сам облик города и деревии, город стал индустриальным, деревня — колхозной. Правовое равеиство иациоиальных республик было подкреплеио равеиством экоиомическим.

[1] См.: Октябрь, 1987, № 8, с. 195.
[2] См.: Московская правда, 1988, 9 февраля.
[3] См.: Литературная газета, 1988, 20 апреля.
[4] Известия, 1987, 10 июля.

Формировалась новая, социалистическая по содержанию культура. Были заложены основы того, что мы ныне называем «социальной защищенностью личности». Всемирно-историческое значение этих завоеваний несомненно.

Но было ли завершено к 1936—1937 годам строительство социализма? Не произвели ли сталинские методы глубоких деформаций во всем облике строящегося социалистического общества? Обрели ли мы все сущностные характеристики социализма? Думаем, ответ на последний вопрос надо дать *отрицательный*.

Не надо забывать, что целостный, развитый, скажем, аутентичный социализм предполагает высшую по сравнению с капитализмом производительность труда. Она в нашей стране была гораздо ниже, чем в развитых капиталистических странах;

социализм предполагает высокий уровень экономического развития. Экономически (по производству продукции на душу населения) мы в 3—4—5 раз отставали от развитых капиталистических стран, мы обогнали их только по *темпам* развития. Задача догнать экономически развитые страны капитала была поставлена только на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 году, причем трактовалась она Сталиным как задача коммунистического строительства;

социализм предполагает высокую материальную обеспеченность населения. В условиях же форсированной индустриализации и коллективизации материальное положение рабочих, крестьян, интеллигенции — и без того низкое в нэповской России — понизилось. И лишь во второй пятилетке обозначился некоторый его рост.

Разумеется, к концу 30-х годов немало было сделано в сфере социально-экономической, политической, культурной. Изменился характер производственных отношений, тип надстройки, характер культуры. Но настоящего анализа происшедших здесь изменений вплоть до

самого последнего времени в наших исторических и историко-партийных работах не было.

И только теперь, в годы перестройки, мы стали узнавать: достаточно развитых форм социализм у нас не приобрел. Общественная собственность была государственной и колхозной, но трудящиеся были отчуждены от управления, распоряжения собственностью[1]. Победоносный социализм, говорил Ленин, немыслим без «полной демократии», он должен в миллионы раз увеличить «дифференцирование» человечества «в смысле богатства и разнообразия духовной жизни и идейных течений, стремлений, оттенков»[2]. Но о какой полной демократии можно было говорить в условиях консолидации единоличной власти Сталина, какое «дифференцирование» духовной жизни обеспечивал аракчеевский режим в науке и культуре? Мы уже не говорим о таких извращениях социалистических принципов, как массовые репрессии, нарушение внутрипартийной демократии и т. п., о том, что «сталинская» Конституция 1936 года нередко оставалась простой декларацией.

Итак, какой же социализм был построен при Сталине? Можно рассматривать этот вопрос, уходя от содержательного анализа процессов в сторону формальных

---

[1] «...У сегодняшиего, если так можно сказать, «социалистического» отчуждения есть конкретные исторические причины и корин. Нельзя не учитывать, что формирование командно-административной системы исподволь воспитывало у труженика психологию работника по найму (пусть даже у своего собственного, рабоче-крестьянского государства), нередко подменяло реальное участие гражданина в управлении общественными делами ритуальными действиями. Конечно, в этом сказался и недостаток культуры, общей, политической, профессиональной, что не давало возможности большинству людей ощущать себя хозяевами производства, страны. Перестройка призвана решить глубоко гуманистическую задачу социализма: покончить с социальным отчуждением, отчуждением от власти, от средств производства, от результатов своего труда, от духовных ценностей». (См.: Коммунист, 1988, № 5, с. 5.)

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 281; т. 27, с. 253.

критериев, в сторону простых передвижек тех или иных хронологических границ. Другой способ — обращение к содержательным критериям того, что было сделано, и он начал пробиваться в науке.

Зародился этот содержательный подход еще до перестройки (хотя и не мог выйти тогда на страницы печати). Так, известный (ныне покойный) философ Э. В. Ильенков издавна применял к сталинскому строю критерии замечательной ранней работы К. Маркса «Экономическо-философские рукописи 1844 года». При Сталине, говорил Ильенков в беседе с автором, в стране был построен «грубый коммунизм», который Маркс считал состоянием (а также идеологией), предваряющим коммунизм как социализм, совпадающий с гуманизмом. «*Грубый* коммунизм» Маркс в целом ряде отношений ставил *ниже* мира частной собственности; ему были присущи отрицание личности человека, возможность не только демократического, но и «деспотического» политического устройства, упразднение частной собственности, выступающее на первых порах «как *всеобщая* частная собственность», превращение общины во «всеобщего капиталиста»[1].

Ленин как-то сказал, что переход от формации к формации вообще нельзя определять с точностью аптекарских весов. Но *качественные* сдвиги определять можно и нужно. Думаем, что мы утверждаем совершенно бесспорную истину, когда говорим: к выполнению всех сторон ленинского завета, к строительству социализма, совпадающего с гуманизмом, мы приступили с 1956 года, со времен XX съезда КПСС, в полной же мере это строительство развернулось только в самое последнее время. На такой вывод нас наталкивают раздумья о чертах сталинского строя. На это нас наталкивают и раздумья о тех непоследовательных мерах по его гуманиза-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 113—127.

ции, которые принимались в период с 1956 по 1985 год. На это нас наталкивают раздумья о живительных процессах перестройки, начатой в нашей стране в 1985 году при внешних и внутренних условиях несравненно лучших, чем в 20—30—40-е годы. На это нас наталкивает и ясное положение, высказанное в книге М. С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира»: «Но в принципиальном плане могу сказать, что конечная цель перестройки нам ясна. Это глубокое обновление всех сторон жизни страны, придание социализму самых современных форм общественной организации, наиболее полное раскрытие *гуманистического характера* нашего строя во всех его решающих аспектах — экономическом, социально-политическом и нравственном» [1].

Кстати, в той же книге мы нашли интересное обобщение, касающееся «революций сверху», оно, думаем, в полной мере относится и к сталинской революции, итог которой мы подводим. «Слабости и непоследовательность всех известных «революций сверху»,— пишет М. С. Горбачев, сравнивая современный наш опыт с опытом предшествовавших поколений,— как раз и объясняются нехваткой такого подпора снизу, согласия и единодействия с массами. А раз всего этого не хватало, значит, требовался больший или меньший насильственный нажим сверху вниз. В результате возникали деформации в ходе преобразований, отсюда и их высокая социально-политическая и нравственная «цена».

Своеобразие и сила перестройки в том, что это одновременно революция «сверху» и «снизу». В этом одна из самых надежных гарантий ее успеха, ее необратимости» [2].

---

[1] ***Горбачев М. С.*** Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987, с. 31 (подчеркнуто нами.— *Е. П.*).

[2] Там же, с. 54.

«Исторический путь — не тротуар Невского проспекта»

Наш анализ подходит к концу, и мы хотели бы заранее ответить на возможный упрек критиков: почему, спросят они, рассказывая о выполнении «Завещания» Ленина, вы сконцентрировали внимание преимущественно на неудачах, трагических ошибках сталинских времен, другими словами, на теневых, а не на светлых, радостных, героических страницах прошлого — а ведь и их было немало? Почему в книге нет «сбалансированной» картины, диалектической «увязки» и наших просчетов и наших успехов?

Мы ждем такого вопроса и ответим на него. Во-первых, успехи мы никоим образом не замалчивали и кратко скажем теперь о них еще раз. СССР по праву именуется ныне великой державой мира. Созидание социализма, освоение космоса, стремление к обновлению всех сторон общественной жизни, последовательная миролюбивая политика — таковы главные слагаемые нашего нынешнего престижа. И это великое настоящее подготовлено нашим великим прошлым. Мы не можем забывать: основы экономического, политического, военного могущества СССР закладывались трудом партии и народа именно в героические и тяжелейшие годы первых пятилеток. В 1941—1945 годах усилиями, жертвами всего народа была одержана историческая победа над фашизмом, в сущности знаменовавшая в мировом масштабе победу демократии над тоталитаризмом.

Во-вторых, мы даем не просто описание этого прошлого, мы ведем его анализ. И в таком анализе мы следовали завету великих революционеров: Радищева, Герцена, Чернышевского, Маркса, Энгельса, Ленина. Завет этот предельно прост: вы добьетесь успеха, и тем большего, чем больше будете думать, размышлять, писать о слож-

ностях, трудностях, изломах революционного пути, «грязных» сторонах (Энгельс[1]) революционного движения, о возможных болезнях, осложнениях, рецидивах великих революций.

Другими словами, мы писали книгу в том ключе, который выражен в замечательных, но явно недооцененных, иногда и прямо замалчиваемых у нас словах Ленина[2]:

«Политическая деятельность — не тротуар Невского проспекта» (чистый, широкий, ровный тротуар совершенно прямой главной улицы Петербурга), говаривал еще русский великий социалист домарксова периода Н. Г. Чернышевский. Русские революционеры, со времен Чернышевского, неисчислимыми жертвами заплатили за игнорирование или забвение этой истины. Надо добиться во что бы то ни стало, чтобы левые коммунисты и преданные рабочему классу революционеры Западной Европы и Америки *не так дорого* заплатили за усвоение этой истины, как отсталые россияне»[3].

Ленин написал эти слова — слова об уроках нашего революционного прошлого, естественно не предвидя будущие сталинские репрессии. Но кое-что важное он все-таки сумел предвидеть. В конце декабря 1922 года — самом начале января 1923 года он предупредил партию: Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках «необъятную власть», и существует опасность того, что он не сумеет пользоваться этой властью достаточно осторожно; Ленин предлагал в своем «Письме к съез-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 521.

[2] Приведем показательный пример. Так, еще в конце 60-х годов появилась небесполезная книга «В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в.» (Л., 1969) В ней собраны буквально все высказывания В. И. Ленина о Н. Г Чернышевском. Исключение сделано Ш. М. Левиным лишь для текста, цитируемого ниже.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 55.

ду» «обдумать способ перемещения Сталина с этого места».

К сожалению, совет В. И. Ленина не был реализован. Последствия этого известны.

Ошибки прошлого нельзя повторять. Но чтобы они не повторялись, их надо знать, знать их корни и причины. И особенно такое знание полезно нашей молодежи — ей строить и наше настоящее и наше будущее, то самое, ради которого были принесены, по словам Ленина, «неисчислимые жертвы». К тому же нам надо мыслить уже категориями нового мышления, так как цена ошибок политиков в наш ракетно-ядерный век возрастает неимоверно.

Заключение

Память людей в конце концов воздает каждому историческому деятелю по заслугам. В благодарной памяти нашего народа, прогрессивных сил Земли живет притягательный образ Ленина. Он достойно начал и достойно завершил свою прекрасную жизнь, в этой жизни нам не приходится мучительно различать свет и тень, «триумф и трагедию», «две стороны — положительную и отрицательную». Организаторский гений помог Ленину еще на подступах к революции выковать большевистскую партию — мощное оружие организации миллионных масс, центр объединения их обновительных устремлений. Его великий ум схватил исключительность ситуации 1917 года, разобрался в ней, увидел новые возможности для «непредусмотренного» педантами II Интернационала прорыва страны вперед, к социализму, выработал основы новой экономической политики, позволившей развить и закрепить этот прорыв в мелкокрестьянской

стране. Уже будучи тяжело больным, отрезанным от внешнего мира, Ленин создал бесценные работы — небольшие по объему, но стоящие целых томов.

Случайность, как известно, не играет решающей роли в истории, но она может играть в ней существенную роль. Именно об этом писал Карл Маркс в 1871 году Людвигу Кугельману, оценивая историческое значение Парижской коммуны. Ускорение и замедление общего хода развития, пояснял он, «в *сильной степени* зависят от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения»[1]. Коммуна, как известно, не знала выдающихся «вожаков»; правда, погубило ее не просто их отсутствие, но и такой «случай», как присутствие пруссаков у стен Парижа.

Исключительной удачей, «счастливым случаем» для судеб социалистической революции в России было то, что во главе ее стоял Ленин. Но стоял он очень недолго. Трагедией и несчастьем для судеб социалистической России было то, что в итоге чудовищного напряжения времен революции Ленин ушел от государственных и партийных дел в 50 с небольшим лет — пору расцвета интеллектуальных сил человека. В «Завещании» он так и не смог назвать достойного кандидата на пост главы партии и государства.

Сталин, которому довелось руководить партией и страной после смерти Ленина, выполнять ленинские за-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 33, с. 175 (подчеркнуто нами.— *Е. П.*).

веты, был его *антиподом*. Организаторская хватка Сталина, его воля и целеустремленность позволили сплотить вокруг заветов Ленина партию и народ, позволили партии и народу приступить к строительству социализма, закладке его основ. Но Сталин осуществлял великие идеи в примитивной форме, он не понимал того, что марксизм — это прежде всего гуманизм, что социализм — это вовсе не состояние перманентной гражданской войны. Путь к социализму Сталин отягчил величайшими жертвами, ради утверждения своего единовластия он истребил и оппозиционеров и многих представителей «старой партийной гвардии». В 1941 году он допустил грубейшие ошибки, поставил страну в тяжелейшее положение. Если Ленину были присущи человечность, скромность, простота, то Сталину — жестокость, помпезность, самые отталкивающие моральные качества. Одним словом, человек, сказавший «Сталин — это Ленин сегодня», сказал величайшую неправду[1].

Несколько слов о связи объективной и субъективной сторон дела. В нашей литературе о сталинских временах в общем-то укореняется манера объяснять негативные процессы этих времен отступлениями Сталина от заветов Маркса, Энгельса, Ленина, его злой волей, его преступлениями. И отступление от заветов, и злая воля, и преступления, действительно, были. Но факты истории говорят: в грозовой обстановке предвоенных лет, в той сложнейшей внешней и внутренней ситуации, в которой очутился в конце 20—30-х годов Советский Союз, при

[1] Мы говорим об А. Барбюсе.

раздорах в ленинском ядре партин, мешавшнх приннмать всесторонне взвешенные решення, осуществлять по-леннннски продуманные повороты в политике, какой-то и даже очень большой долн «казарменностн», черт «грубого коммунизма» стране было не нзбежать. Не нзбежать и в том случае, если бы у власти встал «левый» Троцкнй, в общем-то отлнчавшнйся прнверженностью к админнстрнрованню, насильственным, командным действиям, или «правый» Бухарин, который предлагал более медленное, спокойное продвижение вперед («вползанне» в соцналнзм) на основе принципов нэпа и ленннского кооператнвного плана. И все же как раз отрнцательные личные качества и действия Сталина, о которых мы говорнлн, резко усугубилн н обострнлн негатнвные тенденцни и процессы. Сталин *лично* привнес во всю общественную жизнь страны элементы насилня, сверхцентралнзацин, полнцейского надзора, бюрократнческого вмешательства, славословня вождя. Этих элементов, характерных для культа личностн, могло и не быть в ее нсторнн.

Освобожденне от этнх признаков, черт, элементов, развертывающееся в наши днн, займет немало времени в жнзнн советского общества. XX съезд КПСС, разоблачившнй культ лнчностн, дал отправной толчок этой работе (прерванной в середнне 60-х годов почти на два десятнлетня). Полный же объем работы обрнсовали только решения апрельского (1985 г.) Плеиума ЦК, XXVII съезда КПСС, январского (1987 г.) и нюньского (1987 г.) Пленумов ЦК КПСС. Если XX съезд партии ставнл во главу угла борьбу против «крайних», «внеш-

них» проявлений негативных процессов конца 20 — начала 50-х годов (неуемное славословие вождя, репрессии), то нынешние партийные решения ставят целью ликвидировать саму *основу* негативных процессов и явлений.

Капиталистическое общество создавалось *столетиями*. Немало десятилетий ушло на то, чтобы создать адекватную буржуазному базису надстройку, сменить абсолютизм и бонапартизм республиканскими формами правления. Теперь мы видим: социализм строился отнюдь не одно-два десятилетия, этот процесс продолжается и ныне. Десятилетиями строился и строится сейчас социалистический экономический базис, немало десятилетий ушло и еще много времени уйдет на то, чтобы создать адекватную ему политическую надстройку (последним вопросом предстоит заниматься XIX партконференции КПСС).

Ленин завещал в своих предсмертных работах построить социализм, который по праву бы именовался социализмом, создать республику, «действительно достойную названия советской, социалистической и пр., и пр.», способную «с громадной быстротой развить производительные силы... доказать всякому и каждому наглядно, воочию, что социализм таит в себе гигантские силы и что человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития» [1].

Наша задача — выполнить ленинский завет до конца,

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 392, 402.

не допустив сбоев, избежав забегания вперед, но и не позволив движению пойти вспять, помня суровое предупреждение Ленина: «сопротивление нужно будет оказать гигантское», «настойчивость нужно будет проявить дьявольскую».

«Когда спрашивают, не слишком ли круто мы заворачиваем, мы отвечаем: нет,— писал М. С. Горбачев.— Разумной альтернативы революционной, динамичной перестройке не существует. Альтернатива ей — консервация застоя. От успеха перестройки зависят судьбы социализма, зависят и судьбы мира. Ставка слишком велика. Время диктует нам революционный выбор — и мы его сделали. От перестройки мы не отступим...» [1]

Концепция перестройки выработана партией, одобрена народом, теперь нужны дела, дела и еще раз дела. И требуется понимание: главное еще впереди.

[1] *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира, с. 55.

Содержание

Плимак Е. Г.

П38 Политическое завещание В. И. Ленина: Истоки, сущность, выполнение.— М.: Политиздат, 1988.— 142 с.

ISBN 5—250—00205—6

В книге рассматриваются последние, предсмертные письма и статьи В. И. Ленина, в которых он высказал наиболее важные соображения о судьбах нашей революции, о партии и ее руководителях, о задачах социалистического строительства в стране, о перспективах мирового революционного движения. Показана сложная судьба ленинских заветов в период, когда наша страна развивалась под руководством И. В. Сталина. Автор, специалист по истории и социологии революций, по ряду вопросов высказывает дискуссионную точку зрения.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

П $\frac{0902020000—286}{079(02)—88}$ КБ—14—25—88 ББК 11.59

ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ПЛИМАК

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ В.И.ЛЕНИНА

Истоки, сущность, выполнение

Заведующий редакцией *Л. И. Греков*
Редактор *Д. М. Носов*
Младший редактор *О. П. Осипова*
Художник *Г. Д. Расторгуев*
Художественный редактор *В. И. Шедько*
Технический редактор *Н. К. Капустина*

ИБ № 8056

Сдано в набор 15.04.88. Подписано в печать 20.05.88. А00084. Формат 70×108[1]/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 6,30. Усл. кр.-отт. 6,82. Уч.-изд. л. 6,41. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 3718. Цена 45 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

45 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**В наследии В. И. Ленина
особое место занимают
его последние письма и статьи,
написанные
23 декабря 1922 года —
2 марта 1923 года.
Они интересны тем,
что именно в них
Ленин высказал соображения,
которые сам он считал
«наиболее важными»:
о судьбах нашей революции,
о партии и ее руководителях,
о задачах социалистического
строительства в стране,
о перспективах мирового
революционного движения.
Интересны последние письма
и статьи Ленина
и своей судьбой —
вокруг них сразу же**

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ В.И.ЛЕНИНА

**разгорелась страстная борьба,
не потерявшая значения
до нашего времени.**